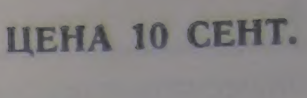
№ 87

DIELO TROUDA

ОРГАН
ФЕДЕРАЦИИ РУССКИХ РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЙ
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И КАНАДЫ.

ИЮЛЬ-АВГУСТ 1935 г.

Переписку по делам журнала, рукописи и пр. направлять по адресу:
"Dielo Trouda," 3122 N. Mason Ave., Chicago, Ill.

11-й год издания

РЕВОЛЮЦИЯ ИЛИ КОНТР-РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ?

Каждый день все с большей и большей настойчивостью выдвигает необходимость разобраться в событиях, происходящих в „Союзе Советских Социалистических Республик". Характер этих событий таков, что вызывает вопрос — что же мы имеем, в конце-концов, в России: революцию или контр-революцию, ликвидацию революции?

До сих пор считается, что Великая Французская Революция 1789-1793 г.г. дала классический образец революции и контр-революции. До сих пор многие думают, что период господства якобинцев — революция, несмотря на ряд контр-революционных актов Конвента, а период, последовавший за падением якобинцев — контр-революция. Отсюда делается вывод, что до тех пор, пока у власти стоит партия выдвинутая революцией, контр-революции нет, чтобы эта партия не делала, революция продолжается. Контр-революция начинается, со свержения возглавлявшей революцию партии и класса более умеренной партией, с восстановления старых господствующих классов, с ликвидации революционных завоеваний. А ликвидация революционных завоеваний и идеологических установок революции, обычно связывается, как правило, с трагическим падением подобным падению якобинцев. Одним словом, о революции и контр-революции в наше время, время империализма, время пара, электричества, радио, телевизии и воздухоплавания, судят по аналогии с событиями французской революции, когда буржуазия, только что освободившаяся от феодализма, приходила к власти, к господству.

Этим допотопным аршином, измеряются происходящие в наш век события. Прикидывая этот аршин к России, наши социал-демократы, все государственнические партии (марксистские по преимуществу), „ученые" либеральные профессора и просто „образованные люди" считают, несмотря на резкую их оппозицию к большевизму, что в России все еще происходит революция. Почему же нет? Ведь, согласно их представлению о контр-революции, в России нет ничего такого, что говорило бы о контр-революции: большевики у власти, никто их не сверг, никто им не рубит головы, мокрой гильотины нет, — (сухая гильотина ими не принимается во внимание) — класс собственников уничтожен, собственность огосударствлена, строится с большими трудностями социализм. Эти трудности строительства социализма вызывают эксцессы большевистской партии, все это вместе взятое „временно ослабляет и замедляет темпы революции", „искривляет ее пути" и только. Революция в России продолжается. Таким образом, эти люди, мыслящие историческими аналогиями, не допускают даже и мысли о возможности перерождения партии революции в партию контр-революции. Здесь кроется величайшее заблуждение, от которого начинают постепенно отделываться социалистические и коммунистические Юджины Лайонсы и Фреды Биллы. И это весьма

знаменательный признак, хороший признак, признак того, что многолетний идейный туман начинает быстро рассеиваться и люди имеют меньше шансов ошибаться и принимать контр-революцию за революцию.

Что такое революция? Мы не ошибемся, если скажем, что революция — это насильственное низвержение существующего ныне политического и экономического порядка, основанного на эксплоатации и власти человека над человеком и установление такого порядка, который максимально расширяет человеческие свободы и права, который максимально улучшает экономическое положение населения страны и в соответственной мере и степени видоизменяет кодекс человеческой морали, заменяя существующую господскую церковно-государственную мораль моралью основанной на свободе, равенстве и солидарности. Все глубоко-народные революции имеют именно эту цель, которая кратко может быть формулирована так: ХЛЕБ И СВОБОДА, в самом широком понимании этих слов.

Русская революция 1917-21 г.г. была глубоко-народной и преследовала именно эту цель. Не только преследовала, но и осуществляла. Большевистская партия стала во главе этого осуществления — она была революционной.

Годы 1917-18 являются годами наивысшего взлета революции. Россия представляла в эти годы самую свободную страну в мире. Народные массы пользовались широчайшими свободами: — свобода слова, печати, союзов, собраний, совести, мысли, критики, личности, агитации, пропоганды, демонстраций, манифестаций, свобода партий, национальностей, образования, воспитания, научного изыскания и т. д. были, можно сказать, безграничными. Свободная самодеятельность и почин заменили закон. Стала процветать местное самоуправление в форме Советов. Естественным образом начала организовываться нация в федерацию десятков тысяч автономных советов. Уничтожалось чиновничество, полиция заменялась самоохраной, армия — всеобщим вооружением. Назначенчество — государственная опека населения, исчезло, как дым. Революция бушевала и выкорчевывала все следы господства человека над человеком.

Рушилось экономическое рабство — капитализм разрушался и замещался организацией производства в интересах потребления всего населения. Производители стали активными участниками производственного процесса; экономческая жизнь, в лице фабрично-заводских и пр. Комитетов, организовывалась по линии свободной промышленной федерации, по линии национальной производственно-потребительской коммуны. С исчезновением экономического абсолютизма — (первый раз в человеческой истории) — исчезла и эксплоатация и все методы ее. В этих условиях человек, мужчина и женщина, имели возможность проявить, и проявляли, все свои способности и таланты. Гений народа начал проявляться всесторонне: заскрипели перья, застучали топоры и молотки, зазвенели косы — начали строить новое свободное общество на основе равенства прав и обязанностей.

Это — революция . . . Это ее не умирающие завоевания . . .

А что же такое контр-революция?

Контр-революция это — революция против революции, попытка уничтожить завоевания революции, попытка вернуть страну к первоначальному, до-революционному состоянию, попытка восстановления привилегий и господства старых партий и классов. Таково классическое традиционное определение контр-революции. Это определение **не** полное и **не** точное, потому что в России, например, **не** было революции против революции, **не** восстановлены старые партии и классы, а тем не менее там настоящая контр-революция.

В России уничтожены все свободы. Верно это? Верно, это — общеизвестный факт. Уничтожение свобод и гражданских прав является революционным или контр-революционным актом? Несомненно контр-революционным.

В России преследуются все защитники свободы: — ссылаются, сажаются в тюрьмы и даже расстреливаются. Что это революция или контр-революция? Контр-революция. В России восстановлен произвол и власть „чина“ и уничтожено местное самоуправление. Что это революция или контр-революция? Контр-революция, самая настоящая контр-революция.

В России восстановлен полицейский произвол и паспортная система. Что это революция или контр-революция? Контр-революция. В России уничтожено выборное начало и заменено назначенчеством. Что это революция или контр-революция? В России запрещена всякая политическая деятельность, выходящая за рамки „генеральной линии“ диктатора — распустили даже общество старых большевиков, арестовывают даже членов союза бывших политических ссыльных и катаржан, ссылают даже видных членов своей партии за разномыслия, за издание исторических записок протопопа Аввакума. Что это революция или контр-революция? Контр-революция.

В России широко, как нигде, практикуется смертная казнь: — казнят за воровство, за хищения, за расстрату, за потраву коровой посева, казнят за хулиганство, каз-

нят совершеннолетних и детей. Разве это не контр-революция?

Молчание и рабская покорность — самые похвальные добродетели в России. Не этих ли самых добродетелей требует от своих подданных контр-революция? Этих самых, этих самых.

В России в сельском хозяйстве установлена новая форма крепостничества — государственное крепостное право в форме коллективизации, т. е. что не удалось сделать Аракчееву — сделано большевиками. Что это разве не контр-революция? В России на фабриках и в производстве вообще уничтожено самоуправление и заменено иерархической капиталистической организацией; рабочий, в отношении производства, поставлен в дореволюционные капиталистические условия. Что это революция? В России сложился новый господствующий привилегированный класс — бюрократия, который, хотя и не имеет собственности, но имеет привилегию на управление, на безконтрольное управление. Что это революция или контр-революция? Это суть русской контр-революции и эта суть не вмещается в рамки классического определения контр-революции, ибо здесь революционная партия постепенно сложилась в бюрократический класс, постепенно, с революционной фразой на устах и постоянной заботой о нуждах трудящихся, этот вновь образовавшийся класс закреплял свои классовые позиции, свои привилегии, свое господство. Вот почему в России контр-революция отлична по форме и по методу прихода от старых буржуазных классических контр-революций.

Нам скажут, что все эти ограничения свободы и гражданских прав вызваны исторической необходимостью и они носят временный характер. Но, позвольте, от этого суть не меняется, ибо оправданная контрреволюция все же остается контр-революцией. А затем, только сумасшедшие могут утверждать, что для торжества революции необходимо временное торжество контр-революции, что в целях расширения, углубления и упрочения всех гражданских прав и свобод их необходимо временно совсем уничтожить. Где же тут логика?

Современный большевизм, что бы там ни говорили, какие бы его заслуги ни выдвигали, есть злейшая политическая и экономическая реакция. Корни этой реакции гнездятся не в „исторической необходимости", а в самой концепции государственного социализма и особенно диктаториального марксизма. Последовательный марксизм это — реакция, контр-революция: тот, кто за диктатуру, тот против революции, против свободы, против прогресса, за реакцию, подлинную и подлую реакцию, как большевизм.

Россия сейчас источник мировой реакции, школа фашизма и прочих разновидностей мировой реакции. Пора понять, что оправдание Сталина есть оправдание и Гитлера, и Муссолини и всех прочих вождей современной контр-революции и реакции. Эта пора, кажется, приходит: Юджины Лайонсы, Фреды Биллы и Антоны Молнеры — первые ласточки. Мы надеемся, что теперь начнется быстрое выздоравление от социальной отравы, т. е. от диктатуры и верховенства государства и трудовое человечество снова начнет безкомпромисную борьбу за полную, неурезанную свободу для всех, построенную на твердом фундаменте экономического равенства. Одним словом, вопрос АНАРХИИ И КОММУНИЗМА с каждым днем становится все более и более актуальным. Задача всех сторонников и друзей свободы и экономического равенства сводится к тому, чтобы об'единить свои силы и начать генеральное наступление на „диктатурщиков" — красных, черных, коричневых, разбить их в умах широких масс и водрузить над миром знамя Свободы, Равенства и Солидарности.

Г. Максимов.

Мы знаем, что **фашизм** означает войну.

Мы знаем, что **капитализм** означает войну.

Борьба наша должна вестись и все наши силы должны быть твердо и дружно направлены против **фашизма** и против **капитализма,** и против **государства,** главными опорами которого являются фашизм и капитализм.

В этой борьбе не должно быть места никакому компромису, никаким соглашениям с какими-бы то ни было политическими группировками, опирающимися на государство в борьбе за социальное освобождение.

Рабочий класс всех стран обретет действительный выход из царящего теперь во всем мире экономического и политического кризиса лишь в федералистическом, безгосударственном, **свободническом коммунизме.**

Против фашизма и всякой диктатуры!

Против войны, откуда бы она ни угрожала!

Против государства, в какой бы форме оно ни выступало!

За немедленную организацию социальной революции, как национальной, так и международной!

За свободнический коммунизм!

Международное Товарищество Рабочих.

ЛУИДЖИ ФАБРИ

(Умер 24 июня в Монтевидео)

60 лет тому назад в Роконьи, в районе Анконы, в зажиточной семье родился наш товарищ Луиджи. О его ранней молодости я не имею никакого представления, я только знаю, что будучи еще студентом он заинтересовался политическими вопросами. В 1894 г. Луиджи Фабри вступил в анархические ряды. Это были годы тяжелой реакции, тогда в Италии царствовало „чрезвычайное положение". Луиджи сейчас-же попал на каторжные работы на один из островов. В 1897 г. он был освобожден, когда Малатеста приехал в Италию редактировать журнал „Агитация", журнал долго не просуществовал, — полиция арестовала Малатесту и Фабри. Процесс, который создало правительство против старого борца Малатеста, вызвал в стране сильный отклик. В мае 1898 г. в стране господствовало военное положение. Малатеста и Фабри были посажены в тюрьму, где они издавали газету, под названием „Мертвецы".

История такова: социалисты обратились к заключенным анархистам с предложением разрешить им выставить их кандидатуры в парламент и таким образом освободить их. Наши товарищи отказались от такого дружественного предложения. Филиппи Туратти, социалистический лидер, воскликнул: анархисты, отказывающиеся от этого — мертвые люди. Поэтому Малатеста, Фабри, Галлиани и др. арестованные товарищи назвали свою газету „Мертвецы". В единственном номере этой газеты анархисты изложили перед массами свою антипарламентскую позицию. Позже мы находим Луиджи Фабри за редактированием различных журналов и газет: „Агитация" (1902-4), затем, почти в это-же самое время, научный журнал „Мыслитель", в котором принимал активное участие Пьетро Гори. В годы 1911-13 Фабри вместе с автором этих строк редактировал в Болоньи журнал „Агитатор".

Во время войны Фабри бесстрашно занял определенную антивоенную позицию, а когда вечно юный Малатеста взялся издавать газету „Новое Человечество" Фабри от него не отставал.

Журнальная работа не мешала Луиджи заниматься литературной деятельностью. Мы укажем только на несколько его работ: „Письма к Женщине", (книга около 200 стр.), „Синдикализм и Анархизм" (вышла в 1908 г. в Испании), „Марксизм и Анархизм (вышла в 1908 г. в Германии), „Школа и Революция" (по итальянски, в 1912 году), „Диктатура и Революция (по итальянски, в 1921 г.), „Кризис Испанского Анархизма", „Контр-Революция Выжидает" и т. д. Помимо этого Луиджи Фабри написал большое количество злободневных и теоретических брошюр: „К Студентам", „Современная Инквизиция", „Церковь и Государство", „Франциско Феррер", „Война и Анархисты" и много других.

С 1924 по 1926 г. Фабри вместе с Малатеста издавали ежемесячник „Мысль и Воля", который выходил в Риме. Фашистская реакция принудила его покинуть Италию, он издавал в Париже ежемесячник „Человеческая борьба". С 1928 г. наш товарищ находился в Мантевидео, Уругвай, где он редактировал ежемесячник „Студи Социале". Луиджи приходилось дискуссировать с товарищами по различным вопросам: анархизм, синдикализм, диктатура, ревизионизм и т. д.

Если даже с ним и не соглашались во всем, его все же читали с симпатией и со вниманием, — он аргументировал очень ясно и определенно. Сейчас не время излагать мировоззрение Фабри, я только отмечу, что Луиджи Фабри считал, что анархисты должны быть организованы в группы, а последние должны федерироваться. Он всегда подчеркивал, что анархисты должны принимать участие в рабочем движении, которое, согласно его взгляда, должно быть об'единенным. У нас в Италии, где существовало две формы профдвижения: Всеобщая Конфедерация Труда и Синдикальный Союз (революционный), Фабри должен был согласиться, что положение вынудило нас к расколу, но в принципе он все-же был за единое рабочее движение. Он также считал, что рабочее движение не должно тащиться в хвосте какой-либо политической партии.

Интернациональное анархическое движение со смертью Фабри потеряло прекрасного товарища и широко образованного писателя, смелого деятеля и первоклассного полемиста.

Для итальянского революционного движения эта потеря особенно болезненна. Один за другим оставляют лучшие из нас: Галлиани, Малатеста, Вирджилиа Д'Андреа и теперь Фабри. . .

Фашистская реакция со своей стороны сажает по тюрьмам и уничтожает товарищей, поэтому тяжело писать о близких товарищах, вырванных смертью из наших рядов. На нас падает еще более тяжелая обязанность: нести с достоинством заветы, оставленные ими.

(Фрайе Арбайтер Штимме).

Армандо Борги.

Политические демагоги С.-А. С. Ш.

Диктатор штата Луизианы — сенатор Юи Лонг и католический патер Чарльз Кофлин, подготовляясь к президентским выборам в 1936 г., ведут ныне усиленную кампанию и проповедуют американским массам худосочные теории о „перераспределении богатств“ в Соед. Штатах.

Сенатор Лонг — большой скоморох, ловкий политикан, не брезгующий никакими средствами, и разнузданный политический демагог. Еще недавно его считали дешевым болтуном и невеждой, к его речам относились с усмешкой, но, когда он сделался диктатором Луизианы и в августе 1934 г. в течении 20 минут провел в штатном законодательном собрании 44 законопроекта, тогда высокие политические лидеры признали в нем недюжинную силу.

Лонг — хороший организатор и еще лучший краснобай. Своим стремительным красноречием и дешевым пафосом он действует неотразимо на малокультурные или совсем несознательные народные массы, хотя речи его, как и речи патера Кофлина, сумбурны и бестолковы. Своими частыми выступлениями Лонг славится, как „радикал“. Он отличается от других ловких политиканов тем, что в некоторой доле выполняет свои предвыборные обещания: он построил ряд хороших шоссейных дорог и школы, в которых отменил плату за обучение; устроил передвижные библиотеки, понизил ставки на газ и электричество и т. п. Эти мелкие уступки служат для него рекламой.

Программа сенатора Лонга, как и патера Кофлина, довольно путанная и неясная. Она сводится к следующим положениям: налог на богатых, на наследства и на заработки с таким рассчетом, чтобы одно лицо не владело больше 50 млн. долларов; чтобы оно наследовало не больше 5 млн. и зарабатывали не свыше 1 млн. долларов в год; каждому гражданину Соед. Штатов гарантируется капитал в 5,000 дол.; состояние отдельных граждан не должно превышать 2 млн. дол.; все граждане, достигшие 60 лет, получают пенсию по 30 дол. в месяц; все суммы, конфискованные государством, поступают в казну, распределяются между неимущими, а остаток, идет на общественные работы: на постройку бесплатных школ, госпиталей, дорог и проч. Таким образом, Лонг думает уничтожить „современный строй господ и рабов“, а его программа „перераспределения богатств“ станет логическим завершением начатой политики Рузвельта, ставшего „пленником капиталистов“.

Католический священик — Чарльз Кофлин тоже считает Рузвельта „пленником Волл-стрита“. Он такой же демагог, как и сенатор Лонг. Его программа состоит из 16 пунктов, которые сводятся к 3 основным пунктам, что он верит в свободу совести и ... молитвы, понятно, католической; что каждый гражданин должен работать и получать справедливую заработную плату и что он верит в национализацию (монополию) банков, нефти, газовых заводов и электростанций, но он стоит за частную собственность всех других видов имущества. Дальнейшие пункты его программы составляют повторение или раз'яснение предыдущих пунктов и трактуют о финансах и кредитах.

Обоих демагогов поддерживают некоторые сенаторы, конгрессмены и лидеры Американской Федерации Труда. Близкие сотрудники Кофлина заявляют, что организованный патером „Национальный Союз Социальной Справедливости“ насчитывает в своих рядах около 10 млн. членов-последователей. Это вполне возможно, так как католиков в Соед. Штатах насчитывается свыше 20 млн. человек.

Целями Кофлинской организации является — защита частной собственности и насаждение благополучия (католического) среди населения Соед. Штатов. В своих выступлениях Кофлин говорит: „Мы отвергаем атеистический коммунизм и рассовый гитлеризм; мы не будем следовать промышленному фашизму и принимать участие в плутократическом индивидуализме и еще менее в безнравственном капитализме“.

С не меньшим суровым осуждением капитализма и фашизма выступает и его соратник — сен. Лонг. Их критика капитализма, Волл-стрита и т. п. довольно основательна, но сами-то Лонги и Кофлины — кто такие? Не те же ли капиталисты?

Лонг и Кофлин, ратующие якобы за социальную справедливость, сами нисколько не следуют собственным учениям. Демагогические выкрики их противоречат их собственным делам. Так, например, по данным „Методистской федерации социальной службы“, в штате Луизиана, где полновластно царствует сенатор Лонг, являющийся якобы „другом рабочих“, на строительных общественных работах платят на 10 сент в час меньше, чем в частных предприятиях; там же существует страшная бедность и сконцентрированы огромные богатства, находящиеся в руках крупных плантаторов, нефтяников, сахарозаводчиков и мехопромышленников, поддерживающих диктатуру Лонга, в числе которых — железно-дорожный магнат Гарви

Коуч и глава Американской Банкирской Ассоциации, нью-орлинский банкир Рендолф Гехт. Диктатор Лонг не провел в собственном штате законов о страховании от безработицы, на случай старости, о минимальной зарплате, о воспрещении детского труда и об одинаковом вознаграждении на частных и общественных работах. Лонг требует введения 25% подоходного налога на доходы свыше 50,000 долларов, а в своем штате установил только 6% подоходный налог. Кроме того, он учредил так называемое, „государственное бюро уголовного расследования“, выполняющее те же функции, что Сталинское ГПУ или Гитлеровское ГЕСТАПО; оно ведает не только шпионажем, но и устраняет опасных или неугодных ему лиц.

Что же касается патера Кофлина, то этот католический иезуит является таким же жуликом, как и Лонг: своим конторским служащим он платит меньше, чем требуется для приличной жизни; Международный типографский юнион и Кливеландская Федерация Труда открыто порицали его за антиюнионную политику. Патер Кофлин является орудием католической церкви, мечтающей о покорении всех стран и народов под ноги Ватикана, которому очень нужен презренный желтый металл, называемый золотом. Его фашизм представляет помесь муссолинизма и католицизма, опирающегося на папские буллы и стремящегося взять народ под опеку святой инквизиции. В этом и заключается вся суть кампании Кофлина.

Бывший глава НРА и правая рука Рузвельта — генерал Джонсон называет Кофлина американским Гитлером, избравшим своим девизом не свастику, а крест и совершившим этим кощунство и святотатство. Джонсон обвиняет Кофлина в антисемитизме и в том, что он, будучи представителем католической церкви, замышляет заговор и что он позорит церковь своими политическими и демагогическими выступлениями. Разоблачения эти ничуть не смутили Кофлина: он продолжает вести свою гнусную кампанию демагогии.

О беспринципности, сумбурности и хаотичности мыслей сен. Лонга можно судить по его речам. Перед штатными законодателями в Атланте, Джорджия, Лонг заявил, что „Морган, Рокфеллер, Барух и Меллон захватили 85% национальных богатств“. Все это в доброй доле верно, ибо упомянутые им лица — архимиллиардеры. Но что же предлагает нам сен. Лонг. Что надо предпринять, чтобы перераспределить захваченные несколькими лицами колоссальнейшие богатства Соед. Штатов более равномерно между теми, которые их создали.

На эти вопросы Лонг отвечает: „Я не собираюсь уничтожить конституционную систему. Если человек заработал 1 млн. долларов, то пусть эти деньги будут у него, но он должен уплатить на них 1% налога. Я увеличил бы налог до 100% на капитал свыше 9 млн. долларов. Такой налог дал бы казне 165 биллионов долларов“. Из этого видно, что Лонг не собирается уничтожить миллионеров, которые его всячески поддерживают, потому что сам Лонг стоит за крупный капитал и сам же является миллионером.

В других речах Лонг обещает конфисковать все деньги крупных капиталистов и разделить их между теми, кто имеет меньше 5 тысяч долларов, а рабочим он обещает 30-часовую рабочую неделю с минимальным доходом в 2,500 дол. в год и месячным отпуском с сохранением положенного жалованья и проч. Одним словом, Лонг и Кофлин, базируясь с одной стороны на все возрастающем недовольстве трудящихся масс Америки, а с другой — на мнимых, ничего не стоящих посулах, обещают облагодетельствовать рабочих и фармеров и устроит на земле настоящий рай, как только они очутятся у власти.

Такие заманчивые обещания могут быть соблазнительны, но они не стоят даже выеденного яйца, потому что являются лишь хитрой уловкой политических жуликов, капиталистическим коварством, трюком, наглейшей демагогией. Такие же жульнические обещания давали все демагоги — Ленины, Сталины, Муссолини, Гитлеры и все прочие политические проходимцы, ипокриты и демагоги, которые добиваются только захвата власти, чтобы потом показать поверившим им простакам, попавшим к ним на удучку, — кузькину мать. Так поступил Ленин со Сталиным в России, Муссолини в Италии, Гитлер в Германии и многие другие, менее заметные политические шарлатаны и жулики.

Рабочим и крестьянам надо всегда помнить слова песни, что „никто не даст нам избавленья: ни бог, ни царь, ни герой; добьемся мы освобожденья своею собственной рукой“. Поэтому нечего уповать на Кофлинов, Лонгов и иже с ними, старающимися продлить свое благополучие на крови и поте трудящихся масс. Лишь подлинная СОЦИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ может осуществит довольство для всех, а с ним СВОБОДУ, РАВЕНСТВО и БРАТСТВО, к которым стремится передовая часть человечества.

П. Гордин.

Читайте и распространяйте журнал „Дело Труда“ — орган анархо-коммунистической мысли.

ГОСУДАРСТВО И КУЛЬТУРА*)

Греция и Рим только символы. Вся их история является сплошным подтверждением той великой истины, что чем больше у какого-нибудь народа получает преобладание стремление к политической власти, приводящее в конце концов к фатальной идее мирового господства, тем ниже опускается уровень культуры этого народа; тем более отмирают у него стремления к культурному творчеству и всякая более глубокая душевная чувствительность, словом, всякая человечность. Духовность вытесняется мертвой техникой, знающей только один денежный расчет и чуждой всяких нравственных начал. Холодное механизирование всех сторон жизни становится на место того животворного влияния на всякую общественную деятельность, которое одно только способно оплодотворить дух человека и побудить его к творчеству. При таких условиях организация общественных сил не бывает уже более средством для достижения обществом более высоких целей, чем-то возникшим вследствие органического роста и постоянно продолжающим органически же развиваться; она превращается в мертвящую самоцель и ведет постепенно к полному оцепенению всех духовных сил. И чем более человек осознает свое внутреннее бессилие, являющееся в действительности лишь результатом механизирования общественной жизни, тем более отчаянно он хватается за мертвую форму и ищет спасения в одной только технике, пожирающей его душу и опустошающей его дух. Рабиндранат Тагор, который, будучи азиатом, еще может относиться к технике более беспристрастно, чем мы, европейцы; не будучи околдован ею, подобно нам, он схватил более глубокий смысл того, что произошло с нашей культурой, как видно из следующих его слов: „Когда организационный механизм начинает очень разростаться и работники, приставленные к этой машине, становятся лишь частями ее, то личность человеческая как бы улетучивается, превращаясь в какой-то призрак; все, что было прежде человеком, становится машиной, вращающей великое колесо политики, не испытывая при этом ни малейшего чувства сострадания и не сознавая никакой нравственной ответственности. Может, конечно, случиться, что и среди этой бездушной возни нравственная природа человека еще попытается отстаивать свои права; но канаты и шкивы трещат и скрипят; нити человеческого сердца запутываются в колесах человеческой машины, и нравственная воля может лишь с трудом произвести бледное и искаженное подобие того, к чему она стремилась"*).

Национально - политическое единство, всегда означающее преобладание техники в ущерб культуре, не содействует развитию творческих формирующих сил нации. Оно становится, наоборот, величайшим препятствием для развития какой бы то ни было высшей духовной культуры тем, что оно перемещает центр тяжести общественной жизни в область политики и подчиняет всякую социальную деятельность надзору национальной машины, которая в своих железных тисках душит все порывы людей к достижению высших целей. И лица, управляющие этой машиной, по мере своих сил, стараются насильно втиснуть все движения культурной жизни в рамки известных форм, приспособленных к частным целям национального государства.

„Искусство управления людьми" никогда не было искусством воспитания людей, так как это искусство управления располагает лишь способами духовной муштровки людей, цель которой подогнать всех, живущих в пределах данного государства, под известную норму. Воспитывать — значит высвобождать естественные склонности и способности человека и помогать их самостоятельному развитию. Но та дрессировка, которой занимается национальное государство, мешает этому естественному развитию внутренних способностей, прививая человеку извне вещи, первоначально совершенно чуждые ему, но долженствующие сделаться, тем не менее, основными мотивами всей его жизни. „Национальная воля" — выражение, являющееся лишь более благозвучным обозначением воли к власти — все еще оказывается силой, парализующей всякую культурную деятельность. Где получает перевес эта национальная воля, там культура хиреет, иссякают источники всяких творческих стремлений, так как они лишаются необходимого им питания, которое поступает в распоряжение всепожирающей машины национального государства.

Греция создала великую культуру и обогащала ею человечество в течение многих столетий. И она сделала это не вопреки тому, а именно благодаря тому, что она и в политическом и в национальном отношении подразделялась на целый ряд самостоятельных государств и народностей.

---

*) Статья эта представляет собою извлечение из еще не напечатанного нового трехтомного сочинения Рудольфа Рокера „Национализм и его отношение к культуре". *Ред.*

*) Робиндранат Тагор, „Национализм", стр. 17.

Именно потому, что она не представляла собою единого политического целого, отдельные части ее могли развиваться вполне свободно, и каждая из них могла беспрепятственно находить выражение для своих особенностей. Греческая культура осуществила нечто великое вследствие того, что стремление политической власти было раздроблено в Греции, так сказать, на несколько ручейков. Стремление к культурному творчеству, нашедшее себе такое мощное выражение в греческих государствах, было далеко сильнее, чем стремление к власти, проявлявшееся незначительным меньшинством населения каждого из этих государств. Благодаря этому в них оставался большой простор для личной свободы и самостоятельного мышления. Поэтому, воля к творчеству богатой и многообразной культуры находили для себя неограниченное поле деятельности. Этому порыву к творческой деятельности не приходилось встречаться с непреодолимыми препятствиями со стороны единого национального государства, которое всегда стремится использовать всякое движение народного духа для своих национальных целей и наложить на всякую общественную деятельность печать своих особых государственных интересов.

Рим не знал этой государственной раздробленности; идея политической автономии была совершенно чужда его политическим вождям. Рим выступил на арену истории как уже вполне замкнутое целое, и идея политического единства проходит красной нитью через все эпохи долгого исторического существования Рима. В области политической централизации Рим осуществил наивысшее, что вообще доступно в этой области какому бы то ни было государству. Но именно поэтому римляне на всем протяжении их истории оставались народом в высшей степени неспособным к творчеству, ограничивавшимся почти исключительно подражением культурным формам, созданным другими народностями, и даже не умевшими глубоко проникнуть в дух этих чужих культурных достижений.

Римляне расходовали все общественные силы, находившиеся в их распоряжении, без остатка на осуществление своего стремления к политической власти, которое все усиливалось с каждым новым успехом. В конце концов это стремление к власти совершенно опьянило римских правителей; они уже перестали обращать внимание на какие бы то ни было иные человеческие стремления; они уже не понимали никаких иных запросов, да у них и не оставалось времени на то, чтобы преследовать какие-либо иные цели, кроме чисто политических. Природная способность римлян к культурному творчеству потерпела крушение из-за развития до крайних пределов римской государственности, вся деятельность которой была направлена на завоевание и сохранение за собой всемирного господства. Политическая техника пересилила дух культурного творчества. Ненасытной политической машине приносились в жертву все общественные силы, пока наконец уже ничего не осталось, чем еще можно было бы пожертвовать; и тогда этому бездушному политическому механизму пришлось сломиться под своею собственною тяжестью. Таков неизбежный исход всякой завоевательной политики.

Эти явления не ограничиваются только Грецией и Римом; они повторяются во все эпохи истории человечества и до сих пор повсюду приводили к одним и тем же результатам. Это есть признак того, что в данном случае мы имели дело с каким-то неизбежным ходом исторических событий, который естественно вытекает из того, отводит ли то или иное общественное целое главное место культурной деятельности или же преследованию целей, коренящихся в стремлении к политическому господству.

Каков был ход развития в Испании? Когда арабы вторгнулись из Африки в Пиренейский полуостров, то государство вестготов уже находилось в состоянии внутреннего разложения. Покорившие ранее страну готы отняли у побежденного населения ее две трети земли, и закрепили эту землю на-веки, как неот'емлемую собственность, за знатью и церковью. Вследствие этого в Испании, в особенности в южной ее части, утвердилось господство крупных землевладельцев и вместе с тем весьма грубая феодальная система, при которой доходность земледелия стала все более и более падать. Страна, прежде бывшая житницей Римской империи, стала все более и более приходить в запустение и через несколько столетий превратилась в какую-то пустыню. Жестокими гонениями на евреев, в особенности в царствовании Сисебута, находившегося всецело под влиянием церкви, хозяйственной жизни страны был нанесен тяжелый удар, так как торговля и промышленность находились главным образом в руках еврейских общин. Сисебут издал жестокий закон, позволявший евреям выбирать только одно из двух: или принять христианство, или же быть скальпированными и проданными в рабство. Тогда 100,000 евреев переселилось в Галлию, а другие 100,000 в Африку; 90,000 евреев крестилось. Ко всему этому присоединились еще постоянные междоусобия из-за престолонаследования, во время которых враждующие стороны нередко пускали в ход яд и кинжал, измену и

убийство. Только всеми этими обстоятельствами об'ясняется то, что арабы в короткое время могли завоевать всю страну, не встретив никакого серьезного сопротивления.

Когда последний из готских королей был разбит на-голову арабским полководцем Тариком, поток арабов-переселенцев устремился в Испанию. Тогда наступила в ней та блестящая культурная эпоха, которая на несколько столетий сделала Испанию самой культурной страной Европы. Этот период называют обыкновенно периодом арабской культуры в Испании; но такое обозначение его едва ли правильно, так как арабы в собственном смысле этого слова составляли лишь небольшую часть вторгнувшихся в Испанию мусульман. Среди этих последних было гораздо больше берберов и сирийцев. К ним присоединились еще многочисленные евреи, принимавшие большое участие в создании великой испанской культуры той эпохи. Все эти различные расы и народности об'единились главным образом тем, что все они говорили на арабском языке.

Страна, пришедшая в полное запустение в период готского феодализма, в короткое время превратилась в цветущий сад. Было проведено множество каналов и была создана система искусственного орошения, благодаря чему земледельческая культура достигла такой высоты, какой никогда не знавали ни раньше, ни после того в Испании. На плодородной земле произростали пальмы, сахарный тростник, индиго, рис и многие другие полезные растения, введенные арабами. Безчисленное множество городов и деревень покрывало эту прекрасную страну. Согласно описаниям составителей арабских исторических хроник, Испания в то время была самой богатой городами страной в Европе — единственной страной, где путешественник в один и тот же день мог проехать не только через множество деревень, но и через два или три города. В период расцвета арабской культуры в Испании на обоих берегах Гвадалквивира насчитывалось шесть больших городов, 300 малых и 12.000 местечек.

В богатых рудами горах Испании горнопромышленность развилась в таких размерах, которых она не знает даже в настоящее время. В бесчисленных городах процветали ремесла и промышленность, создававшия всеобщее благосостояние и развивавшие в населении всей страны высшие культурные потребности. На одних только ткацких и прядильных фабриках работало несколько миллионов человек. В одной только Кордове производство шелковых тканей давало заработок 130.00 душ; точно так же обстояло дело и в Севилье Тончайшие сукна, атлас, дамасские дорогие ковры выделывались в бесчисленных мастерских и высоко ценились не только в самой Испании, но и заграницей. Арабские драгоценности филигранной работы и изделия из эмали славились на весь мир. Испания поставляла тогда наиболее высоко ценившееся оружие, превосходнейшие изделия из кожи, прекраснейшие горшечные изделия, золотистую глазурь которых и до сих пор не удалось воспроизвести. Благодаря арабам было введено в Европе употребление бумаги, которая вырабатывалась в Испании и вытеснила дорого стоивший пергамент. Одним словом, едва ли была какая-нибудь отрасль промышленности, в которой испанские ремесленники не оказывались бы самыми искусными.

На ряду с этим блестящим развитием ремесл и промышленности развились также и искусство и наука до такой степени, что и в наше время это развитие их все еще вызывает всеобщее удивление. В то время как в 10-ом и 11-ом столетиях во всей прочей Европе едва можно было найти одну порядочную библиотеку, и было всего два университета, заслуживавших это название, в Испании тогда насчитывалось более семидесяти публичных библиотек, из которых в одной только кордовской хранилось 600,000 рукописей. Кроме того в Испании имелось семнадцать знаменитых университетов, наиболее выдающие из которых находились в Кордове, Севилье, Гренаде, Малаге, Хаэне, Валенсии и Толедо. Многие студенты приезжали учиться в арабских университетах из отдаленных стран и, возвращаясь на родину, приносили с собой приобретенные в Испании знания, что впоследствии очень содействовало пробуждению научных изследований в Европе. Астрономия, физика, химия, математика, геометрия, языковедение, география достигли в Испании наивысшей степени развития, бывшей доступной в те времена. Особенно процветала медицина, которая в христианских странах не могла развиться в такой степени уже потому, что церковь грозила смертью тем, кто осмеливался заниматься вскрытием трупов.

Кроме того в Испании художники и ученые об'единялись в особые союзы, имевшие целью поощрение искусств и наук. Во всех отраслях науки устраивались периодические с'езды, на которых обсуждались новейшие успехи научных изследований, что, естественно, должно было очень содействовать распространению научного образа мышления.

Чрезвычайно велики были достижения арабов в области музыки и поэзии. Изящество формы арабских поэтических произведений оказало чрезвычайно плодотворное влияние и на развитие христианской испанской литературы. Совершен-

ство, достигнутое арабами в архитектуре, граничит иногда с областью сказочного. К сожалению большинство их замечательнейших архитектурных памятников сделалось жертвою варварства христиан. Даже там, где дикий фанатизм крестоносцев не все замечательные постройки, возведенные арабами, стер с лица земли, он все же находил себе удовлетворение в порче и искажении самых чудных произведений искусства. И все-таки такие здания, как Альказар в Севилье, большая мечеть в Кордове и в особенности Альгамбра, в которой мавританский стиль достиг наивысшей степени совершенства, еще и в наше время дают нам некоторое понятие об этой единственной в своем роде эпохе расцвета искусств. В Кордовской мечети, которая после изгнания мавров из Испании была превращена в христианскую церковь, потрясающее впечатление, получается при виде внутреннего устройства этой мечети с ее девятнадцатью бронзовыми вратами и 4,700 светильниками, было в значительной степени разрушено вследствие того, что она была варварски неумело перестроена, так что Карл V мог с полным основанием сделать тогдашнему церковному управлению следующий упрек: „Вы здесь построили что-то, что с таким же успехом можно было бы построить и в другом месте, но вы при этом разрушили нечто такое, подобного чему нет во всем свете".

То, что придавало мавританскому стилю его совершенно особенный характер, было изобилие крайне оригинальных орнаментов, так называемых, арабесков, покрывавших преимущественно стены и вообще все, находившееся во внутренних помещениях. Так как Коран запрещал последователям ислама помещать в их храмах изображения людей и животных, то фантазия мавров стала изощряться в создании тех оригинальных сочетаний линий, которые, вследствие нежности рисунка и неисчерпаемого богатства художественной фантазии, так могущественно влияют на душу, что с полным правом можно говорить о „сказке из линий".

Искусству архитекторов было предоставлена обширное поприще, уже потому, что испанские города в те времена имели большее население и занимали большее пространство, чем в настоящее время. Так, например, в период расцвета мавританской культуры, население Толедо достигало 200,000 человек, а в Севилье и Гренаде было по 400,000 жителей. О Кордове в арабских хрониках сообщается, что в ней было более 200,000 домов, в том числе 600 мечетей, 900 общественных бань, университет и много библиотек.

Эта высокоразвитая культура также развилась в эпоху политической децентрализации, которую не могла изменить и монархическая форма правления. Даже когда Абдеррахман III оффициально провозгласил себя калифом и этим содействовал укреплению монархического принципа, он был вынужден сделать чрезвычайно большие уступки тому чувству личной независимости, которым отличалось население Испании. Калиф знал прекрасно, что строгая централизация государственной власти тотчас же привела бы к конфликту с старинными порядками родового самоуправления арабов и берберов, что могло бы потрясти до основания все государство. Страна была разделена на шесть провинций, во главе которых стояли своего рода наместники. Большие города управлялись губернаторами; в небольших городках имелись кади, (судьи), а в деревнях наставники, или гакумы.

„Эти чиновники были однако", пишет проф. Диркс в своей истории Испании, „до известн. степени лишь посредниками между имперским правительством и общинами. Эти последние пользовались полным самоуправлением; в особенности там, где жили вместе целые племена или родовые группы, царила полная автономия. И арабы и берберы управлялись согласно их старым законам и распорядкам и не допускали никакого вмешательства чиновников в дела их общин. Такой же свободой пользовались и христиане, избиравшие из своей среды графов. Эти последние совместно с епископами заводили те или иные распорядки в общинах и отвечали перед парвительством за исполнение христианским населением гражданских обязанностей и за правильную и своевременную уплату налогов. Епископы свободно избирались общинами, но избрание это должно было быть утверждено калифом, к которому перешло это право, прежде принадлежавшее готтским королям. Подобным же образом было организовано управление и в еврейских общинах, в которых старший раввин был обыкновенно также главным должностным лицом"*).

Властителям из династии Омиядов, правившей Испанией в течении 300 лет, ни разу не удалось ввести более строгие порядки и установить большее единство в образе правления во всей стране. Все их попытки в этом направлении приводили лишь к бесчисленным восстаниям, к отказу уплачивать налоги и к временному упразднению власти калифов. Таким образом Испания в политическом отношении представляла собою организм, части ко-

*) См. „Историю Испании с древнейших времен до настоящего времени" д-ра Густава Диркса, т. 2, стр. 128, Берлин, 1896 г.

Испанские анархисты и Октябрьск. Революция

(окончание)

Могли ли мы вести революционную работу сообща?

В Испании была лишь одна сила, которая могла оказать реальное сопротивление торжеству „правых" и успехам фашизма. Эта сила была Н.К.Т. Ослабить эту силу, лишив ее необходимых ей материальных средств — такова была единственная программа социалистов и „левых" республиканцев, пока они находились у власти. Это была та же цель, к которой стремилось и каталонское правительство до последней минуты его существования. На ком же в таком случае лежит ответственность за то, что, когда наступили октябрьские события, Н.К.Т., эта великая по своей численности и духовному под'ему организация, не оказалась в состоянии проявить деятельность и справиться с стоявшей перед нею задачей?

Мы уже много раз говорили и всегда будем повторять, что борьба социалистов и „левых" республиканцев против Н.К.Т. была борьбой за фашизм, за Гила Роблеса, за монархизм и клерикализм. Первым результатом подобной тактики был неудачный исход октябрьской революции и захват власти правыми. Это было первым крупным поражением, которое потерпели испанские прогрессивные силы. И оно не будет последним, если только социалисты и левые республиканцы не изменят своей тактики, на что в настоящее время едва ли можно рассчитывать.

Говорят о необходимости единого фронта для того, чтобы не допустить торжества фашизма. И действительно не могло бы быть ничего более логичного, чем об'единение всех, считающих себя врагами фашистского варварства, чтобы помешать его победе. Но не следует забывать следующего: анти-фашизм не есть лекарство против фашизма. К анти-фашизму можно призывать во имя демократии, во имя спасения частного капитализма. Мы анти-фашисты, потому что мы хотим устранить современный кризис при помощи перестройки общества на новых началах по инициативе рабочих и путем их самодеятельности. Сегодняшние задачи не могут быть отделены от задач завтрашнего дня; и, хотя мы, не колеблясь, стали бы действовать за одно с другими общественными элементами, имеющими социалистическую тенденцию, мы делали бы это не для того, чтобы просто помешать фашизму и спасти демократию, а для того, чтобы проложить путь к новому общественному строю.

Нечего и думать ни о каком действительном сопротивлении фашизму, пока все анти-фашисты не сойдутся в том, что должны быть решены задачи, возникающие из банкротства частно-капиталистического строя. Было бы логично ожидать, что такое соглашение должно состояться. Если же оно неосуществимо, то, в сущности говоря, торжество фашизма обезпечено, и скоро все лучшие стремления человечества потерпят крушение. Мы хотим идти вперед, к лучшему будущему и желаем обезпечить этому будущему содействие всех прогрессивных сил; и мы призываем всех, желающих общего блага людей, к борьбе за хлеб и волю для всех. Но необходимо знать заранее, соглашаемся ли все мы относительно элементарных требований, лежащих в основе всякой революционной социалистической деятельности, а именно относительно требований равенства и свободы. Мы вовсе не желаем поддерживать буржуазно-демократический строй; не желаем мы также и новой тирании, устанавливаемой во имя пролетариата. Восторжествует ли та или другая тирания, нам безразлично, так как мы не желаем осуществлять никакой тирании; под каким бы флагом она ни выступала, она все равно основана на рабстве и человеческой нищете.

торого были очень слабо связаны друг с другом и тотчас же распались на самостоятельные владения, когда Гишам III сложил с себя в 1031 г. титул и покинул свое тогдашнее местопребывание со следующими словами, выражавшими его покорность судьбе: „Этот род не создан ни для господства, ни для послушания". Кордова сделалась тогда республикой, и весь калифат распался на несколько десятков „таифов", т. е. небольших государств, не подчинявшихся более никакой центральной власти. Но именно в это-то время мавританская культура и достигла высшей степени расцвета. Небольшие государства конкурировали друг с другом; каждое старалось превзойти все прочие в совершенствовании духовной культуры, в области искусств и наук. И упадок государственного авторитета нимало не задержал этого культурного развития; наоборот, он лишь содействовал ему, так как были устранены разные стеснительные политические рамки.

Рудольф Рокер.

(Продолжение следует)

Пусть рабочие, к какой бы организации они ни принадлежали, осознают себя, именно, как рабочих, снизу до верху, от фабрики до профессиональной федерации и до индустриальной федерации. Пусть решение всех вопросов приходит снизу, от производственной социальной базы. И если такое понимание не разовьется среди рабочих с той быстротой, которая требуется условиями нашего времени, и революцию прийдется совершать при помощи имеющихся на лицо общественных сил, в том виде, в каком они теперь существуют, то пусть эти общественные силы придут к какому-нибудь соглашению относительно наилучшего доступного им решения социальных вопросов. Но мы всегда должны помнить, что сегодняшний день не вполне независим от завтрашнего. Не достаточно сказать: сегодня мы нанесем поражение врагу, а завтра мы посмотрим, что надо далее предпринять. Это не есть решение вопроса. Это не разумное отношение к делу, а обход вопроса; это значило бы обманывать самих себя и бояться посмотреть в лицо тем трудным задачам, которые ставит перед нами революция. Если сегодня мы нанесем поражение общему нашему врагу, а завтра начнем сражаться друг с другом, полагаясь исключительно на силу оружия при решении вопроса о том, кто из нас должен одолеть и пережить всех других, то такой результат не стоил бы принесенных нами жертв. Ведь в таком случае победители, в конце концов, неизбежно сами превратились бы во врагов прогресса, революции и справедливости.

Как бы мы ни были убеждены в том, что правда на нашей стороне, мы, как анархисты, не можем отказывать и другим социальным тенденциям в праве на существование. Поэтому нам необходимо достичь какого-нибудь соглашения для практических целей с теми, кто также работает для общего блага. Но до сих пор ни одно из многочисленных движений, имеющих социалистические тенденции, не проявило ни малейшей терпимости по отношению к анархистам, как до революции, так и после нее. Это очень трагический факт, так как при таких условиях нам придется полагаться только на собственные наши силы, чтобы спасти человечество от катастрофы фашизма, являющегося предтечей угрожающей человечеству еще большей катастрофой—новой мировой войной. Не лучше-ли было бы, если бы с сегодняшнего же дня все прогрессивные социальные течения обязались относиться друг к другу с уважением и действовать солидарно? Чтобы осуществить это, достаточно было бы каждому из этих течений отказаться от авторитарного признания себя чем-то самодовлеющим, от исключительности и монополизма в области революционной и общественной деятельности.

Не первый раз мы упоминаем о таком решении вопроса и, если позволят обстоятельства, это не будет и последним разом. Впрочем мы готовы принять всякое возможное решение этой проблемы, лишь бы оно помогло достижению свободы.

Октябрьская революция в Барселоне была направлена гораздо более против нас, чем против „правых“ элементов. В остальной Испании целью революции было учреждение диктатуры партии или коалиции партий, и первой жертвой этой диктатуры оказались бы мы сами. Только в Астурии соотношение разных факторов и стечение обстоятельств создало атмосферу чисто пролетарской социальной революции. Если бы обладание достаточными материальными средствами позволило нам вмешаться в астурийское революционное движение, то мы, конечно, приняли бы в нем участие и боролись бы против диктатуры как справа, так и слева. И если революция поставит себе целью создание такого нового общественного порядка, при котором люди всяких темпераментов и сторонники всяких идей могли бы попытаться осуществить свои способы решения социального вопроса, то анархисты поддержали бы самым энергичным образом такое революционное движение. Но так как мы, анархисты, не малые дети, и нас не так-то легко обмануть разными ничего не означающими обещаниями, чтобы на самом деле сохранить старый общественный строй или учредить новую тираннию, то было бы логично не ожидать, что мы будем жертвовать собой ради создания нового класса господ и новых форм угнетения и эксплоатации.

Трусость?

Безответственные и не могущие оправдать своей точки зрения критики, обыкновенно скрывающиеся под разными псевдонимами, говорили о „трусости“ испанских анархистов, ссылаясь на позицию, занятую этими последними по отношению к октябрьской революции. Говорящие о трусости вероятно знакомы с героизмом только по прочтенным ими романам. Не стоит тратить время на то, чтобы показать нелепость этого обвинения. Испанские анархисты могут иметь много недостатков, и мы первые критикуем их за таковые, но трусостью они во всяком случае не страдают. Пожалуй можно отнести к их недостаткам их чрезмерную смелость, их много раз доказанную отвагу, их доходящую до дерзости воинственность. Достаточно полдюжине испанских анархистов раздо-

быть несколько пистолетов, чтобы они уже вообразили себя непобедимыми и, подобно Дон Кихоту, взялись за устранение всех несправедливостей и об'явили войну всему миру. Вот в чем главный недостаток испанских анархистов. Они черезчур храбры. А в условиях современной революционной борьбы лучше полагаться на техническую подготовленность, чем на смелость и на любовь к опасным предприятиям.

Без Н.К.Т. не будет революции.

Мы вовсе не фанатичные сектанты. Мы обладаем достаточным контролем над самими собой, чтобы называть вещи их собственными именами и размышлять над трагедией нашего времени. И если бы, хотя бы даже ценой потери нашей организации, ценой разгрома нашего движения, было возможно помешать наступлению фашистской реакции во всем мире, то мы ни одной секунды не колебались бы относительно того, какую позицию нам надо занять по отношению к борьбе с фашизмом. Пусть будет спасен прогресс человечества; пусть врата, открывающие доступ к лучшему будущему, не будут закрыты на целый исторический период; пусть развевается знамя свободы, хотя бы даже ценой продолжения нашего существования, как организованного движения. Но, нравится ли нам это или нет, мы являемся силой, с которой приходится считаться, и которую ничто не может заменить. Без нас в Испании немыслима революция, которая имела бы действительно социалистический характер, и еще того менее могла бы оказаться истинно социалистической революция, направленная против нас. Октябрьское же движение 1934 года было направлено настолько же против нас, насколько и против правительства „правых". Главари движения хотели победить без нашего участия в борьбе. Но результатом этого было поражение. Мы говорим это без всякого чувства горечи по отношению к нашим вчерашним и сегодняшним врагам; мы говорим это с полной искренностью и призываем наших соперников прислушаться к голосу здравого смысла; мы убеждаем людей, ослепленных партийной ненавистью, выслушать следующее наше заявление: или революция в Испании будет совершена при участии Н.К.Т., или же в ней вовсе не будет революции; а если не будет революции, то будет фашизм. Неужели лидеры социалистов и „левых" республиканцев не могут понять это?

Надо принять хладнокровное решение по отношению к обеим возможностям. Идти против сил свободнического социализма в Испании под каким бы то ни было знаменем, это значит обречь подобное движение на безсилие с прогрессивной точки зрения и открыть путь для реакции.

Как до октября, так и после октября Н.К.Т. была краеугольным камнем новой Испании. Пусть все отвергающие фашизм; все, видящие возможное будущее; все, понимающиеся значение возврата к средневековому варварству абсолютизма; все, желающие наступления в мире новой эры свободы и материального благополучия, присоединяются к Н.К.Т. В радях ее есть место для всех желающих блага человечеству — мужчин и женщин, для всех отзывчивых и добрых сердец. Решительная битва произойдет между двумя полярно противоположными течениями: между фашизмом и сторонниками социальной революции. На одной стороне стоит Гил Роблес, на другой стороне — Н.К.Т. Между этими двумя полюсами мы видим лишь нерешительность, веру в какие-то мифы, безсилие, неуверенность в исходе борьбы. Те, кто не поддерживают Н.К.Т., тем самым ослабляют силы, стоящие за прогресс, и помогают торжеству Гила Роблеса. Социальные движения не импровизируются, и три славные буквы Н.К.Т. написаны годами самопожертвования, мученичества и героизма, мышления и действия. И поэтому эти буквы полны глубокого значения.

Быть может на эти мои слова не обратят внимания; но если они стоят чего-нибудь, то мы желали бы чтобы сотни и тысячи революционеров из среди рабочих и крестьян, все еще стоящие вне кадров нашей организации по каким бы то ни было соображениям, поспешили стать в ряды истинных пролетариев. Ибо теперешний момент требует как можно более тесной об'единенности; он требует жертвы мелких страстей во имя великой предстоящей нам задачи.

В Испании не будет революции без участия Н.К.Т. Надо идти или с Н.К.Т. или с фашизмом. Нет другого выбора.

Диего Абод де Сантильян.

ПИКНИК ПАМЯТИ Н. МАХНО

28-го июля состоится пикник, посвященный памяти Нестора Махно. Пикник устраивается русской, итальянской, испанской и еврейской группами гор. Чикаго и окрестностей. Место пикника:

Beverly Hills Forest Preserve

Western Avenue & 87th Street

СЧАСТЛИВЫЙ НОМЕР.

На собрании Чикагского Прогрессивного Клуба был произведен розыгрыш больших мужских золотых часов, выигрыш пал на 559 номер. Книжка с этим номером была послана в Бетлегем, Па.

Тов. выигравшего часы, просим прислать свой адрес и деньги на покрытие расходов по пересылке.

КОМИТЕТ

О Саарском плебисците, едином фронте и борьбе против фашизма

(Продолжение)

Что же мы скажем о германской коммунистической партии? О той партии, которая в 1923 г. заодно с реакционерами призывала немецкий народ к войне с Францией; которая осуществила единый фронт с национал-социалистами во время всенародного голосования в Пруссии; которая своим восхвалением поступков националистов Шлагетера и Шерингера сбивала с толку германский пролетариат, заражая его идеей национализма; которая в течение целого ряда лет говорила о „борьбе против Версаля“ и о „порабощении Германии по способу Юнга“, пытаясь превзойти фашизм по части националистической пропаганды и применяя с этой целью самые бессовестные демагогические приемы? Да разве подобная партия могла вести борьбу против фашизма? Чтобы охарактеризовать вырождение и упадок коммунистической партии и коммунистического Интернационала достаточно напомнить о словах сподвижника Сталина, министра иностранных дел „пролетарского отечества“, который в речи, произнесенной им в Женеве 17-го января, приветствовал окончательное решение вопроса о Саарской области прежде всего „с точки зрения мира“, так как это событие яко бы „устранило одно из важнейших препятствий на пути к миру“. Он „поздравил“ в своей речи немецкий народ „с возвращением в его лоно его сынов, живущих на берегах Саара“. Что-то скажут саарские товарищи-коммунисты их товарищу по партии Литвинову по поводу этого поздравления? Впрочем в лагере коммунистов повидимому далеко не царит единомыслие относительно политического значения саарского плебисцита. В воззвании, исходящем от французской коммунистической партии, прямо отвергается взгляд, высказанный представителем Сталина: „Вопреки заявлениям Гитлера и Фландена саарский плебисцит не служит к укреплению мира в Европе . . . опасность войны возрастает“. Да и воззвание центрального комитета германской коммунистической партии, секция коммунистического Интернационала, содержит следующее утверждение: „Исход саарского всенародного голосования чрезвычайно усилил опасность войны“.

II.

Оппортунисты и реформисты из всяких лагерей об'единились в один общий фронт ради борьбы за сохранение **статус кво**, как меньшого из двух зол, т. е. за сохранение режима, установленного Лигой Наций и французским капитализмом. Теперь же сторонники **статус кво** об'являют, что одной из главных причин их жестокого поражения было разбойничье владычество на Сааре французского империализма и крайняя эксплуатация саарских рабочих французскими хозяевами каменноугольных копей. Но если это так, то, спрашивается, зачем же партии, образовавшие единый фронт, призывали пролетариат отстаивать **статус кво**, установленный этим разбойничьим владычеством и этими эксплуататорами? Каким же образом революционный социалистический пролетариат мог вообще высказаться за тот или иной капитализм?

Как совершенно правильно говорилось в раз'яснении, обнародованном германской и французской секциями М. Т. Р., „население Саарского района надо призывать к тому, чтобы оно не отдавало себя в распоряжение ни одной из групп, преследующих эти сомнительные цели. Никто не имеет права рекомендовать рабочим и крестьянам Саарского района продать свое право первородства за тарелку чечевичной похлебки — все равно, будет ли эта чечевица приправлена французским, немецким или женевским соусом. Никто не имеет права принуждать саарское население сделать выбор между веревкой и топором и подчиниться тому или другому господину, тому или другому угнетателю. Саарское население должно бороться за свое полное экономическое освобождение и за социальную независимость. Оно должно выступать революционно, как против империалистической французской буржуазии, так и против диктаторской Германии. Где бы саарское население не оказалось, вне пределов или в пределах Германии, оно должно громко провозгласить — и политическая ситуация дает ему в настоящее время единственную в своем роде возможность достигнуть того, что голос его раздастся очень далеко — повторяем, оно должно провозгласить, что оно твердо решилось бороться против всяких злоупотреблений, всякой реакции, всякого порабощения, с чьей бы стороны оно ни исходило. Плебисцит ставит перед саарским населением вопрос о том, какое из двух зол оно должно избрать. Но саарские рабочие, вопреки плебисциту, всем политиканам и всей диктаторской клике, должны

вступить в борьбу со всеми этими злыми силами, написав на своем знамени основные принципы социального освобождения“.

Эта принципиальная постановка вопроса, это единственное отношение к делу, приемлемое для революционного рабочего движения, не могло, конечно, привлечь к себе оппортунистов, отстаивавших необходимость выбрать наименьшее из двух зол, пропагандистов сохранения **статус кво** и иллюзионистов, мечтавших лишь о создании единого фронта. Принимая во внимание умственный уровень немецких рабочих, примыкавших к марксистскому рабочему движению, надо было признать, что не имелось на лицо тех условий, при которых мог бы восторжествовать такой принципиальный взгляд на вещи. Поэтому еще раз повторилась та самая игра, которую мы уже видели 5-го марта. Но этот раз даже „Правда“ уже не говорила о „великой, политической победе, одержанной германской коммунистической партией“. Когда 5-го марта — уже в шестой раз в течение одного года — фашизму должно было быть нанесено „поражение“ при помощи **бумажных бланков,** подаваемых при голосовании, и при помощи **парламента,** то 13-го января так-таки и взывали: „Побейте Гитлера на Сааре“ — при помощи бросаемых в избирательные урны **бумажек** и при помощи **сепаратизма!** Но при помощи голосования за режим, установленный Лигой Наций, при помощи сепаратизма и капитализма, фашизм нельзя побить. Нельзя побить его даже хотя бы только на 9%.

Рабочий класс Германии, в течение целого ряда десятилетий воспитывался на идеях национализма и шовинизма немецкими марксистами, националистической социал-демократией и националистическим большевизмом. Он воспитывался коммунистической партией „национального освобождения“ в вере в партию и государство. Социалистическая деятельность этой партии ограничивалась предвыборными демонстрациями и бросанием бумажек в избирательные урны, а социалистическая идеология ее сводилась к понятиям „завоевание политической власти“ и „диктатуры пролетариата“. Такой рабочий класс как раз был подготовлен к тому, чтобы поддаться национал-социалистической демагогии и поддержать фашистское государство.

Социал-демократия постоянно ставила национальные интересы капиталистической буржуазии выше социалистических интересов международного пролетариата. С августа 1914 года все вожди социал-демократии от Носке и Эберта до Вельса и Северинга, поддерживали одну и ту же, не только национальную, „охраняющую государство“, но даже, в полном смысле слова, реакционную политику. Социал-демократия всегда была верным сторожевым псом капитализма. Она укрепляла весь военный аппарат буржуазного государства; она строила броненосцы после того, как она оказалась у власти, удачно проведя выборную кампанию, во время которой она яро выступала против преступной буржуазии, не имеющей денег, чтобы накормить голодающих детей, но всегда имеющей деньги на постройку броненосцев. На деньги, добытые посредством безжалостного взимания налогов с рабочих, она соорудила по военному образцу полицейский аппарат, почти равный войску, чтобы затем пользоваться этим аппаратом для подавления рабочего движения. Так она поступила, например, 1-го мая 1928 года, когда социал-демократ Церргибель подавил первомайскую демонстрацию в Берлине, не останавливаясь перед кровопролитием. Эти броненосные социалисты оказались способными на всякую измену социализму и готовыми на всякую низость. Они охотно сделались бы социалистами гитлеровского образца, если бы им это только позволили, подобно тому, как они были социалистами-империалистами! Но фашизм стоит за принцип целостности. Он не нуждается в Вельсах и Лейпартах. В противоположность демократической буржуазии он имеет своих собственных Носке. Мавр сделал свое дело, мавр может уйти.

Подобно чисто партийной политике, и вся политика социал-демократов по отношению к профессиональным рабочим союзам была также подготовкой к фашизму. Если посмотреть на дело с такой точки зрения, то выходит, что вожди Всеоб. Герм. Союза были, пожалуй, правы, когда 21-го марта 1933 года они об'явили себя готовыми **переорганизовать** социал-демократические рабочие союзы **по фашистскому образцу** и помогать Гитлеру созидать фашистское государство. На состоявшемся в Париже международном с'езде 2-го Интернационала главарь социал-демократических профессиональных союзов Ауфгейзер определенно высказал, что политика немецких профессиональных союзов „**подошла вплотную к границе национал-социалистической политики**“. 13-го января еще один раз — и до сих пор в последний раз — проявилась приверженность германского марксистского рабочего движения к парламентаризму. Но это движение уже явно находилось в процессе разложения, несмотря на попытки излечить его при помощи вспрыскивания новой универсальной панацеи — организации единого фронта. Вся эта политика шарлатанских выборов, демагогии, фразеологии, массовых демон-

страций против фашизма, „красных“ и „железных“ фронтов; вся эта партийная деятельность, которая не имела ничего общего с действительной социалистической борьбой рабочего класса и была превзойдена во всех отношениях фашизмом — демонстрировала после событий, имевших место в Германии и в Австрии, теперь еще лишний раз на Сааре, хотя и в меньшем масштабе, свое безповоротное банкротство.

Политические партии об'являют теперь, после банкротства **статус кво,** что террор, практивовавшийся несмотря на полицейскую охрану, организованную Лигой Наций, и на тайную подачу голосов, решительно повлиял на исход голосования на Сааре. Но гарантии были гораздо больше, а террор был менее силен, чем во время выборов, происходивших 5-го марта в Германии, где уже начались в то время массовые аресты и на улицах не смели распространять ни одной рабочей газеты, никаких листовок, нельзя было расклеивать предвыборных плакатов, ни развернуть красный флаг. И несмотря на это все же было подано 12 миллионов голосов „против фашистов“. Несомненно в Саарской области царил и открыто и в разных скрытых формах террор. Но те, кто хотят об'яснить 90-процентную победу Гитлера террором, совершенно не понимают ни причин поражения, ни того, в чем оно собственно состояло. На Сааре национал-социализм победил не посредством террора, а скорее произошло как раз обратное: фашистский террор стал возможен лишь потому, что население Саарской области уже прониклось национал-социализмом. И пропагандировавшие необходимость избирать наименьшее из двух зол, воображавшие, что им удасться, убедив населению голосовать за сепаратизм, тем самым помешать гитлеровскому фашизму вступить в пределы Саарской области, подобно тому как 5-го марта фашизм должен был быть „разбит“ по парламентскому способу, посредством голосования — эти пропагандисты должны были убедиться 13-го января, к своему ужасу, в том, что фашистский дух не останавливается перед пограничными шлагбаумами и уже проник в пределы их области и даже в самый их лагерь. Да кто же мог сомневаться в исходе борьбы против фашизма, которая велась партиями 5-го марта — социалистами, согласными строить броненосцы, и национал-большевистскими коммунистами, примирившимися с Лигой Наций? Банкротство **статус кво** на Сааре было таким образом лишь обнаружением банкротства немецкого марксизма — его собственного безнадежного **„статус кво“.**

А. Мюллер-Ленинг.

(Окончание следует)

Государство — трудящимся рабство

(Воспоминание рабочего)

Даже сидящий на троне бог защищает свой пирог.

Я хочу рассказать ряд виденных и пережитых мною фактов, которые хорошо показывают что государство проделывает с трудовым населением и об'ясняют почему я бежал из советско-большевистского государства.

В декабре 1922 года я остановился в гор. Минске и поступил слесарем на завод „Энергия“. Теперь, думал я, буду спокоен. В рабочем социалистическом государстве дадут возможность свободно вздохнуть, заработать кусок хлеба, и я буду обеспечен и в старости до смерти“.

Очень скоро пришлось разочароваться в своих мечтаниях. Не так получается, как рабочий думает. Не успел я оглядеться, познакомиться с заводом и товарищами по труду, как помощник завуправляющего Соколенко предложил мне вступить в партию. Соколенко прекрасно знал мою прошлую революционную работу в Белоруссии и это он устроил меня на завод „Энергия“.

— „Товарищ Ромаш, вот вы сейчас устроились работать. За вами остановка: вы должны вступить к нам в партию, партию большевиков-коммунистов“.

— „Дайте мне передохнуть немного после всей военно-революционной бури“, уклончиво ответил я Соколенко. „Дайте познакомиться, присмотреться“. Обменялись еще несколькими незначительными фразами и на этом пока кончилось.

Приходя утром на завод, за 15 минут до свистка и начала работы, рабочие всегда собирались группой в углу, возле моих тисков, и вели дискуссии на темы дня. Я тоже принимал живейшее участие в этих беседах. За короткое время я успел изучить обще-рабочие больные вопросы и понять на что большевистское государство способно. Оказывалось, кто состоял в партии большевиков-коммунистов, тот имел право, помимо обще-рабочей карточки, получать добавочные продукты из кооперативов, по удешевленным ценам покупать одежду, обувь, галантерею и пр. Это вызывало недовольство беспартийных: „Чем мы хуже партийных? Мы также работаем для государства, как и партийные“ ...

В заводе часто устраивались обще-рабочие заводские собрания. Правом же голоса пользовались только те рабочие, которые имели партийную большев.-коммунистическую книжку. И когда нужно было рабочим беспартийным что либо провести на собрании для общей пользы рабочих, то из города являлась стая коммунистов с книжками. Поднимают при голосовании книжки и проводят решения по своему усмотрению. Однажды на общем заводском собрании я запротестовал. „Такая постановка голосования в корне неправильна. Рабочие беспартийные должны иметь равное право голоса, как и партийные. И голосование книжками

есть насилие над рабочими беспартийными. Партийные могут проводить свои собрания; незачем призывать всех рабочих и пользоваться их обще-рабочим именем. Нам, беспартийным, совершенно не интересно, чтобы приходящие со стороны, из города, решали наши заводские и частные житейские вопросы".

Несмотря на мои протесты и другие подобные выступления, большевики-коммунисты выдвинули мою кандидатуру на смычку с крестьянами, на смычку с красной армией, полагая, что таким образом им удастся переманить меня в партию. Я от всех кандидатур отказывался, так как не мог примириться с большевистской подлостью.

Обще-рабочие заводские собрания в большинстве случаев созывались для решения экономических государственных вопросов. Каждый рабочий прежде всего должен быть безусловным участником „государственного займа". Затем шел целый ряд вычетов ежемесячных, которые производились при каждой получке в следующем размере:

В Мопр — 2 проц., культ.-просвет. — 1 проц., забаст. комитет — 1 проц., на смычку с красной армией и крестьянством — 2 проц., в союз рабочих — 4 рубля, страхкассу — 3 рубля.

Если рабочий последней, 5-ой - 6-ой категории вырабатывал 25-26 руб. червонных в месяц, то при получке на руки он получал 16-17 руб. Можно ли было при таких заработках существовать рабочему и как? В то время (1923-24-25 г.) черный хлеб стоил 4-5 коп. фунт, сахар 25-30 коп. фунт, сало 50-75 к., мясо 20-25 коп., ботинки 15 рублей, сапоги 20-25 рублей. На одном общем собрании я запротестовал. „Для какой цели нужен забастовочный комитет? Зачем вычитывать с рабочего последние крохи? В рабоче-советском социалистическом государстве не должно быть забастовок. Жизнь рабочего в таком государстве должна быть так обеспечена и устроена, чтобы ему незачем было бастовать". Но мне большевистские заправилы указали на одно небольшое предприятие в гор. Одессе, где в то время рабочие бастовали. В действительности же было другое: вычеты в забастовочный комитет попадали за границу для иностранных большевиков-коммунистов; вычеты на Мопр шли таким же образом за границу для целей Коминтерна.

В ноябре 1923 года предстояли быборы в Минский городской Совет. От рабочих „Энергия" нужно было послать одного делегата. Перед выборами большевики выпустили свою декларацию. Я с своей стороны подготовил краткую декларацию от беспартийных. На обще-заводском собрании докладчик от ЦК зачитал декларацию. Я выступил перед общим собранием с заявлением, что я с такой декларацией не согласен и зачитал свою. Укажу несколько важнейших параграфов (всех не помню):

1. Делегатом в Минский Городской Совет может быть не обязательно большевик-коммунист, но всякий рабочий, без различия партийный он или беспартийный.

2. Избранный делегат не вправе сам лично решать или заменять волю рабочих. Он должен получить директивы от общего заводского собрания.

3. Избранный делегат должен беспристрастно защищать обще-трудовые интересы, как рабочих беспартийных так и партийных.

4. Избранный в Городской Совет делегат должен обратить особенное внимание на экономическое неравенство — одни имели право на львиную долю, а другие пухли от голода — и стать на защиту положения всех трудящихся завода.

Большевистские главари набросились на меня:

— „Вот вам товарищи рабочие: т. Ромаш [illegible] взял мартовскую демагогию и зачитал ее против нашей декларации".

Я один был бессилен; мои товарищи беспартийные замолчали видя, что большевики-коммунисты яростно набросились на меня. Нельзя было особенно обвинять беспартийных. Каждый из них был под гнетом тяжелых жизненных условий и обстоятельств, и вынужден был молчать. Я остался побежденным.

На другой день утром иду на работу. Недалеко от завода навстречу мне — товарищ рабочий: „Ромаш! ты не иди на завод, тебя арестуют большевики. Как только ты ушел вчера с собрания, докладчик от Ц. И. К. спросил: „Где тот товарищ, который читал свою декларацию? Я хотел бы с ним поговорить . . ." И тут же на собрании рабочие заговорили, что ты будешь арестован".

Едва стал я к своему верстаку, ко мне подошел Гуревич, секретарь Завкома:

— „Товарищ Ромаш, ты ничего не знаешь?"

— „Нет. А что?"

— „На заводе заговорили, что мы хотели арестовать тебя, но это неправда. Мы знаем твое прошлое, ты из рабочей семьи"

— „Ну, чтож? Сила ваша. Осталось только в тюрьму втолкнуть". Разговор был закончен и я продолжал работать.

В конце 1923 года производительность на заводе „Энергия" падала усиленным темпом, ввиду недостатка сырья и материалов. Вопрос больной, так-как прежде всего и непосредственно касался личного состава. Завод небольшой, даже при нормальном ходе работы едва оправдывал оплату 100 чел. рабочих и 10 чел. администрации. Естественно, напрашивался старый метод лечения подобного рода кризиса: сокращение личного состава. В этом роде был пущен слух, чтобы подготовить рабочих. Пошли разговоры будто намечается к увольнению десятка два рабочих и один чертежник. Рабочие запротестовали и обратились к администрации за раз'яснением, потребовали дать мотивы, на каком основании хотят увольнять рабочих. Директор завода подготовил отчет: приход и расход, и представил его в виде диаграммы. Собрали особое административное заводское совещание, на которое пригласили квалифицированных рабочих, для обсуждения экономического кризиса и выработки мер выхода из тупика.

Попал и я на это собрание. В первую очередь раздается диаграмма. Я обращаю внимание на подсчет рабочей силы и на ее стоимость. Оказывалось, что 100 рабочих получали 50% общего дохода завода, а 10 человек администрации получали 47%. Передаю товарищам диаграмму, чтобы каждый обратил внимание на эти цифры, в которых я вижу главный корень зла. При обсуждении мною был поставлен вопрос: может ли предприятие существовать и расширяться в то время, когда прибыль уходит на обслуживание 10 чел. администрации? Как может заводский рабочий оправдать бешенные оклады администрации? Ясно, для того, чтобы предприятие оживить и расширить, нужно урезать высокие ставки административной категории, часть процентов обратить на существование завода, а другую часть уделить для рабочих низшей категории. Рабочие мою мысль поддержали. Администрация вынуждена была согласиться: уж слишком бросалась в глаза неправота и ненормальность в расценке и распределении заработной платы. Было решено исправить и устранить недочеты: сократить ставки администрации, всех рабочих оставить

на местах, а для обеспечения работой спешно затребовать от центрального предприятия доставку сырья и материалов на завод „Энергия“.

В 1924 году, в январе, по смерти Ленина, по случаю его торжественных похорон, большевики-коммунисты об'явили по заводу, что все желающие рабочие могут вступить в партию большевиков, в честь умершего товарища В. И. Ленина.

Подходит ко мне пом. Завупр- Соколенко. „Товарищ Ромаш, предлагаю вам записаться в члены партии большевиков-коммунистов в честь нашего дорогого тов. Ленина. Если вы запишетесь, вашему примеру последуют все мастеровые“.

— „Если я с ума тронусь, то все мастеровые последуют моему безумию? Этого не может быть. Нет, лучше я останусь при своем мировоззрении, а рабочие мастеровые — как им угодно“.

В январе того же года большевики-коммунисты устраивали празднование — смычка красной армии с рабочими. Я был приглашен на празднование. Во время антракта встречаюсь с Соколенко. Соколенко снова ко мне обращается:

— „Чорт побери, Ромаш, вот посмотри, какое торжество: почему ты не хотел и не хочешь вступить к нам в партию?“.

Я отвечаю: „Вот почему, т. Соколенко: все революционеры превратились в буржуев, установили для себя жалованья в 350 — 500 руб. в месяц, имеют шикарные квартиры с богатой обстановкой, пианино, автомобили в вашем распоряжении; словом, вся роскошь прежней буржуазии в ваших руках. А рабочему вы платите 15 — 16 рублей в месяц,чтобы с голоду не подох. Может ли рабочий поправить свое житье после военной и революционной бури. Разве для того трудовое крестьянство и рабочие творили революцию, погибали на баррикадах и фронтах, а оставшиеся в живых пережили ужасные страдания, чтобы свергнуть одних паразитов и посадить других? Нет, тов. Соколенко, так не строят революционеры социализм. Я с вами не согласен“.

Соколенко перебивает меня: — „А как по твоему должно быть, т. Ромаш?“

— „Попросить от трудящихся рабочих и крестьян с каждого по его способностям, а сообща решать распределение по их потребностям“. Так мы с Соколенко спор закончили и разошлись при своих мнениях.

После этого разговора начались на меня гонения на работе. Глав мастер, распорядитель работы, то и дело начал придираться ко мне, что я много времени затрачиваю на обделку механических предметов, что нужно ускорить трудовую производительность и пр. Учитывая, что администрация начала относиться ко мне враждебно, я не нашел возможным оставаться, взял расчет и в мае месяце отправился в поисках работы в Сибирь.

В то время безработица в Советском большевистском государстве разрослась до чрезвычайных размеров. Большевики издали декрет о ликвидации кустарной промышленности и сосредоточения всего производства в центрально-государственную систему заводов и фабрик. Многие мелкие предприятия должны были прекратить свое существование и масса рабочих рук осталась без работы. Для того, чтобы попасть на какую либо работу в 1924-25-26 годах, нужно было пройти через Биржу Труда, откуда посылали на работу по очереди. По всем сибирским городам рабочих квалифицированных и неквалифицированных было переполнено. Десятки тысяч получали пособие от 8 до 13 руб. в ожидании работы. На Бирже Труда правили те же танцоры, которые стремились создать государство для своих целей и выгод. Биржа Труда не была защитой рабочих, а просто эксплуатацией голодных рабов. Чиновники новой марки сидели в конторах и бросали упреки рабочим:

— „Вы, мол, не хотите работать, симулируете..“ и пр. Конечно, хорошо им было сидеть на мягких стульях, на чужом труде и пилить рабов. Все это прекрасно понимали рабочие. Да и при работе, как я выше указал, заработная плата не удовлетворяла рабочих. Отзыв был везде таков: — „Лучше буду голодать, а на новых господ работать не стану“. И вот везде, где я ни толкался по сибирским городам: в Томске, Барнауле, Ново-Николаевске, Иркутске, — была та же неизменно печальная картина нищеты, голода и принуждения.

Н. Ромаш.

(Продолжение следует)

„Дело Труда“ и Интернациональное анархическое движение

БОЛГАРИЯ

Преследование за „Дело Труда“

В Редакцию „Дело Труда“, Чикаго, Илл.

Слепого инвалида Семена Фомича Красновского, Лесковец, Болгария.
8 июня 1935 г.

Милостивые друзья!

Просим вас приостановить присылку „Дело Труда“, потому что здесь строго преследуют такую литературу. Мы уже пострадали за ваш журнал: мы были арестованы. До ареста у нас произвели более двадцати обысков. При последнем обыске у нас нашли три номера „Дело Труда“. Нас арестовали и продержали месяц в тюрьме.

Вы не можете себе представить какие неприятности и ужасы мы пережили, несмотря на то, что мы калеки.

В полицию на нас донес один кирилловец, младоросс *Николай Николаевич Гриценко.* Он по десять раз в день ходил в полицию и настаивал на нашем аресте. Этот гад является здесь шпионом кирилловской организации — подлец, которого свет не видел.

Еще раз просим вас приостановить высылку нам вашего журнала.

С приветом

Семен Красновский.

От редакции. Комментарии излишни, письмо говорит само за себя. Смешно, насколько труслива реакция — она боится даже слепых и калек, получающих анархический журнал!.. Не удивительно, что она расправляется с болгарскими анархистами с жестокостью трусливого зверя. Но рано или поздно Анархия и Коммунизм восторжествуют и все господствующие ныне гады исчезнут с лица земли, как дым.

ПАЛЕСТИНА.

Редакцией „Дела Труда“ получено следующее письмо из гор. Хайфы.

Многоуважаемые т.т. ред. „Дело Труда“!

Сим обращаюсь к вам от имени инициативной группы интересующихся здесь, в *Палестине*, движением свободного социализма. Эта группа ставит себе целью изучение и распространение идей анархизма среди масс. Излишне говорить, что недостаток книг и брошюр тормозят нашу работу. Из периодических изданий мы получаем, через т. Рубина, „Дело Труда“ и „Фрайе Арбайтер Штимме“. Последние номера „Дела Труда“ (Март-Апрель) получили и распространили.

На первых порах нашей работы нам трудно выписывать всю литературу по интересующему нас вопросу за плату, поэтому мы и предлагаем Вам выслать нам бесплатно по несколько экземпляров дешевых брошюр с пересылкой на наш счет, мы постараемся в дальнейшем возвратить вам их стоимость. Пришлите нам „Интернациональный Сборник П. А. Кропоткина и его учение“, за книгу заплатили тов. Рубину. Если у вас имеются адреса анархических изданий на немецком языке пришлите их нам. Кроме того нас еще интересуют бюллетени *Международного Товарищества Рабочих*, которые и просим прислать нам. Какая более близкая к нам организация М. Т. Р. и каков ее адрес? Можно-ли достать полный комплект „Дела Труда“ и сколько это стоит с пересылкой? Можно-ли у вас достать журналы на английском языке („Фридом“, „Мен!“) и сколько это стоит с пересылкой? Мы находимся в постоянной связи с тов. Р., который [illegible], и будет информировать вас о нашей работе. Постараюсь со времени и сам написать вам.

С товарищеским приветом *Борух Гилади.*

От редакции „Д. Т.“

Товарищи, Редакция „Д. Т.“ сердечно приветствует вас и желает вам широкого успеха в начатом вами благородном и нужном деле пропаганды идей анархии и коммунизма. Федерация русских анархо-коммун. групп Соед. Штатов и редакция ее органа „Дела Труда“ охотно и во всякое время готовы придти вам на помощь.

В ближайшее время вышлем вам литературу. Что касается „Бюллетеня“ М. Т. Р., то мы сообщим о вашем желании секретариату Исполнительного Бюро М. Т. Р.

Что касается английских периодических изданий, то мы рекомендуем вам обратиться непосредственно в их редакции по следующим адресам:

V A N G U A R D
P. O. Box 92, Station D
New York, U. S. A.
M A N
P. O. Box 115
San Francisco, Cal., U. S. A.

„Фридом“ больше не выходит.

С тов. прив. *Редакция „Д. Т.“.*

ФРАНЦИЯ.

Редакция „Дела Труда“ получила от Парижской Независимой группы анархистов 20-го округа, издающей газету „Тер Либр“ („Свободная Земля“), письмо-корреспонденцию, а также „Декларацию и Проэкт Организации“, которые будут опубликованы нами в следующем номере „Дела Труда“.

Адрес газеты „Свободная Земля“:

Mr. Ch. Marchal
89 rue d'Angouleme
Paris XI-e, France

Аресты и ссылка Анархистов в России. Г. Сталин строит вторую империю

Согласно сведениям „Социалистического Вестника“ (центральный Орган Росс. Соц.-Демокр. Раб. Партии, № 11, 10 июня 1935 г.) в России происходят сильные аресты среди *большевиков*. Сталин разгромил издательство „Академия“, арестованы Попов и историк партии Невский.

Из Ленинграда выслано „нежелательных“ 30,000, из Москвы — до 60,000. Арестовано до 30 членов *Общества Полит-Каторжан*, совершенно разгромлен арестами *Психотехнический Институт*. В особой немилости находятся *историки* — их арестовывают и ссылают пачками.

Из Анархистов и Анархо-Синдикалистов арестованы и сосланы *Кидава* (на 5 в Карелию), *Шнуриев* (с завода Амо), *В. В. Бармаш*, недавно окончивший 6 летнюю ссылку, *Г. Аскаров* и др. Арестован итальянский анархист *Геции* и сослан в Яренск, жена-же его, русская, *„за недонесение об анти-советском направлении мужа“* сослана на 3 года принудительных работ в Казакстан. Арестован *Герман Сандомирский*, служивший большевикам не за страх, а за совесть, и сослан на 3 года в концлагерь в Мариинске, Томской губернии, с принудительными работами в тамошних совхозах Г. П. У.

Действительно, в России жизнь — малина-ягода: живи, кому как надобно, да не рыпайся!

Американская реакция высылает т.т. Винсента Ферреро и Доминика Саллито.

В журнале „Авангард“ (орган свободного коммунизма, № 3, май-июнь, 1935 г.) высылке вышеупомянутых товарищей посвящена заметка, которую мы перепечатываем полностью.

Новая инквизиция.

Применение депортации к двум итальянским товарищам, Винсент Ферреро и Доминик Саллито, обвиняемых в издании анархической газеты „Ман!“ в Сан-Франциско, является гораздо более знаменательным явлением, чем это может показаться на первый взгляд. Систематические усилия со стороны администрации терроризовать и запугать читателей и подписчиков газеты, являются как бы частью общей кампании будто-бы либерального правительства) лишить анархическое движение последнего кусочка гражданских прав, которые еще дают возможность открытого существования. Еще несколько подобных ударов и движение, глубоко коренящееся в американских традициях и в самом духе, которому обязано все лучшее в Американской истории, будет загнано в подполье.

Против возобновления гнусной политики Пальмера, которая, к стати, также проводилась „либеральным“ правительством, должен возвысить голос протеста каждый, кто

любит свободу. До сих пор либеральный и радикальный мир (включая и анархистов) были слишком пассивны в защите гражданских прав анархистов. Слишком часто забывают, что законы, направленные против анархистов, стали открытым путем, по которому правительство следует с тех пор в деле общего урезывания гражданских свобод.

Борьба против депортации двух итальянских товарищей не должна быть возложена только на анархистов. Всеобщая кампания протеста на основе общих усилий радикальных и либеральных кругов должна быть начата немедленно. Для этого необходимо создать наивозможно широкую поддержку масс. Нужно немедленно начать организацию массовых митингов, выносить резолюции протеста, собирать деньги, необходима помощь симпатизирующих профсоюзов. Эта борьба за общие принципы свободы, за защиту преследуемого и гонимого движения, за права иностраннорожденных на минимум человеческих прав, в число которых должно быть включено право иметь мнение о политическом будущем человечества. Это борьба против вздымающейся волны фашизма и, как таковая, она должна охватить каждого прогрессивного мужчину и женщину Америки.

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ С МЕСТ

НЬЮ ИОРК, Н. И.

Лекции и диспуты.

Проведенные в истекшем сезоне Союзом Российских Тружеников ряд успешных лекций и докладов возымели свое действие: затронутые в них вопросы продолжают и по сие время интересовать рабочую колонию Нью Иорка.

Особенно резко выделяется вопрос о банкротстве государственного социализма, который был подвергнут жестокой критике товарищем Максимовым в его выступлениях перед рабочей массой г. Нью Иорка и других мест.

Наряду с этим, не менее крупный интерес был проявлен и к махновскому движению как со стороны рабочих, так и со стороны политических кругов колонии. Вскоре после от'езда из Нью Иорка тов. Максимова, местная група эс-эров, желая истолковать махновщину по-своему и тем отвлечь внимание рабочих от этого движения, устроила двух-дневный доклад, на котором Мансветов, в первый вечер, с большой натугой старался доказать, что анархическое повстанчество, во главе с Н. Махно, имело государственные тенденции, ибо в занятых повстанцами районах устраивались школы, создавались советы и проч. Выходит, что устройство школ, организация советов противно анархизму!

На другой день в защиту махновщины выступили наши местные товарищи, которые вопросами и возражениями опровергали мансветовское извращенное толкование рабоче-крестьянского движения на Украине в дни русской революции. Было указано, что махновское движение носило свободнические зачатки и было порождено стремлением крестьян к свержению ига помещиков и поддерживающей их власти.

В конце концов Мансветову пришлось признать, что в занятых повстанцами городах существовала свобода слова и печати: выходили газеты эс-эров, соц.-демократов, большевиков и др., чего не существовало при режиме других партий. В заключительном ответе он даже развил такую мысль, что между анархизмом и эсэровской идеей нет принципиальных расхождений — стоит лишь признать государство, которое приведет в царство социализма.

Один из возражавших, тов. Гром, из'явил желание выступить в другом диспуте, чтобы доказать государственникам, что они не правы утверждая, что можно придти к социализму, создавая новые касты чиновников, ничего общего не имеющих с интересами трудящихся и пр.

На этом и порешили. Обе стороны согласились устроить новый диспут на тему: „Что ведет к освобождению трудящихся: Анархизм или Государственный социализм?“ Диспут состоялся 5-го мая. Первым говорил Мансветов, восхвалявший преимущества государства, при котором австрийские рабочие были так облагодетельствованы социалистами, что и по сей день помнят своих правителей...

По его мнению, для социалистов равенство не нужно и не желательно; большинство имеет право управлять, а меньшинству он предоставляет безропотно подчиняться и организоваться, чтобы в последствии самому стать „большинством“ и угнетать меньшинство — сказка про белого бычка.

Не признавая прямого революционного действия, Мансветов опирается на человеческий прогресс, который приведет в царство социализма, а с анархизмом он не соглашается потому, что идея эта не признает государственного порядка.

В дальнейшей „критике“ безвластников Мансветов указывал на науковских и рассветовских „анархистов“ и утверждал, что последние идут по правильному пути; даже дошел до того, что упрекал анархистов в том, что они собираются и ведут свою работу при буржуазных порядках. Он не мыслит, что можно обойтись без начальства, забывая или совсем незная, что анархические Союзы Русских Рабочих в Америке имели свой образцовый народный дом на 15 улице в Нью Иорке, превосходно обходились без властей и издавали свои журналы и газеты.

От Союза Рос. Тружеников выступал тов. Гром, который, возражая Мансветову, в краткой и выдержанной речи доказал, что покуда будет существовать государство — не может быть и речи о социализме, ибо все государственники уподобляются бывшим крепостникам-помещикам, которые считали, что мужики погибнут без их опеки.

Тов Гром указывал на большевистское государство в России, которое, как паразит на народном теле, высасывает кровь трудящихся и душит свободу. Государство это — зло, это — спрут, душащий своими щупальцами общество; оно — главное препятствие освобождения трудящихся. Стремление социалистов к созданию сильного государства создало психологическую предпосылку для победы фашизма в европейских странах, под гнетом коего изнемогает ныне крестьянство и рабочий класс

Идеал рабочего класса — стать строителем общества, покоющегося на основе свободы, равенства и полезного общественного труда, и социалисты-государственники, не считаясь с этим стремлением рабочего класса, всеми способами стараются навязать свое государство, которое неизбежно, как в России, будет служить интересам нового господствующего класса — соц. бюрократии.

Ко всему сказанному следует добавить, что все было тихо и спокойно до тех пор, пока слушатели не начали задавать вопросы Мансветову, и пока „добровольно“ за-

нявший место председателя „социалист“ не проявлял узурпаторства. Но когда он заявил, что он разрешает ставить вопросы лишь в течении только пяти минут, то поднялись протесты. Мансветов, вместо того, чтобы призвать к порядку своего председателя, сам, горячась, соскочил с платформы и, очутившись среди зала, начал кричать, что он отказывается от дальнейшего выступления и не желает отвечать на вопросы. Тогда тов. Гром хладнокровно заявил, что коль скоро противная стоорна упирается и не желает принимать вопросов, то он уступает часть своего времени тем, кому не дали возможности поставить вопросы. Заявление тов. Грома подействовало и все, мало-по-малу, успокоились, а Мансветову пришлось вернуться на свое место; диспут продолжался и спокойно закончился.

У присутствовавших создалось такое впечатление, что социалисты, именующие себя народниками, пользуясь доверием анархистов, проявили себя на этом диспуте как заправские государственники, не считаясь с мнением и взглядами своих политических противников, в то время как назрела необходимость борьбы против деспотического большевизма и не менее ужасного — фашизма.

Рабочие и на этот раз убедились, что свобода для гос. социализма — только приманка для рабочих, главная же цель — власть, господство, управлене человека человеком. Они еще раз убедились, что освобождение трудящихся в анархии и коммунизме.

Е. М—д.

РЕШЕНИЯ

Об'единенной Районной Конференции групп „Дело Труда“ и „Пробуждение“, состоявшейся 2-го июня 1935 года в г. Нью-Иорке.

На Конференции присутствовало 11 делегатов: Нью-Иорк был представлен 4 делегатами: по 2 делегата от групп „Д. Т.“ и „П.“, Филадельфия 3 делегата: по одному от каждой группы и один делегат от обоих групп, а также по одному делегату от групп г. Нью Гевена, Нью Бритен, Мериден и Ватербури.

Конференцией были заслушены приветственные письма и пожелания от следеующих организаций и отдельных товарищей: от 42 отдела РООВА из Акрона, Прогрессивного Клуба г. Чикаго, группы „Дело Труда“ из Детроита, группы „Дело Труда“ из Сант-Луиса, группы „Дело Труда“ из Кливеланда, Профсоюза г. Детроита, Резановича из Монтреаля, Феденко из Бетлегема, Миловичко из Нигаара Фолс, Союза Самообразование г. Виндзора, Канада, а также от Федеративного секретаря „Дело Труда“.

Во всех письмах преобладающим, основным лейт-мотивом выражалось стремление к об'единению обоих федераций, созданию одного идейного органа, оживлению анархо-коммунистической работы и совместному действию на местах. Все рекомендации и пожелания были приняты Конференцией к сведению.

ДОКЛАДЫ С МЕСТ: От Нью Иоркской „Д. Т.“ — в группе 15 членов, распространяется до ста экземпляров „Д. Т.“, совместно с группой „П.“ было устроено в зимнем сезоне 13 лекций Максимова, группа принимает активное участие в издании брошюр и записок Махно и ведет другую организационную работу. Группа „П.“ гор. Нью Иорка помогает изданию журнала „Пробуждение“, помогает музею Кропоткина и политическим заключенным, устраивает лекции совместно с группой „Д. Т.“ и стоит за об'единение.

Федерация штата Конн. — об'единяет группы Нью Хейвена, Нью Британа, Гартфорда, Меридена, Ватербури, Бриджпорта и Ансонии: было проведено 2 Конференции, устраиваются лекции и доклады, распространяется литература и оба журнала. Делегаты из Меридена, Нью Бритена, Нью Хейвена и Ватербури делают дополнения об устройстве пикников, работе в массовых организациях и пр.

Группа г. Филаделфии распространяет оба журнала и ведет анар.-ком. работу совместно с группой „Д. Т.“. Группа „Д. Т.“ распространяет журнал „Дело Труда и ведет другую анархическую работу.

Вопросы: почему мы раз'единены и почему мы должны об'единиться сводились главным образом к газете „Рассвет“. Этот вопрос вызвал продолжительные дебаты из-за чего все другие вопросы остались неразрешенными. По данному вопросу Конференция приняла следующую резолюцию:

РЕЗОЛЮЦИЯ: *Принимая во внимание, что газета „Рассвет“, созданная анархическими организациями, превратилась, к сожалению, в настоящее время в колониально-обывательскую газету, — мы считаем ее не анархической, как анархические организации, мы ничего общего с нею не имеем и не ответственны за ее содержание и направление: анархическими органами являются „Дело Труда“ и „Пробуждение“.*

Затем приступлено было к обсуждению вопроса о созыве с'езда. Для подготовительной работы по созыву с'езда была избрана Комиссия из 9 человек, которой поручено развернуть широкую работу в этом направлении. Об'единенный с'езд обоих федераций решено созвать в зимнии праздники, а до с'езда рекомендуется группам на местах приступить к совместной практической работе по сбору средств политзаключенным, устройству пикников, докладов, лекций и вообще работать в направлении распространения анархизма.

Конференция поручила Об'единенному Комитету организовать лекционный тур, чтобы подготовить группы к с'езду.

Секретарь Конференции

Ф. Г.

На лекции Абрамовича.

Лидер русских меньшевиков, Абрамович, 12 мая прочитал лекцию на тему: „Внешнее и внутреннее положение советской власти“. На лекции было менее ста пятидесяти человек.

Проанализировав кратко, но умело, внешнюю политику правящей Россией большевистской клики, указав на зигзагообразную дипломатическую игру с буржуазией и на ставку большевиков на мировую революцию, кончившуюся торжественным вступлением большевистского правительства в Лигу Наций, Абрамович спросил: „Зачем нужно было большевикам пугать капиталистов раздуванием мирового революционного пожара, если после семнадцати лет игры в революцию большевистский сановник Литвинов готовится занять председательское место в следующей сессии Лиги Наций?“

От анализа внешней политики большевистской власти Абрамович перешел к анализу политики внутренней и к индустриализации России. В этой области большевики, по мнению лектора, достигли больших успехов, но беда в том, что большевики, создали такую государственную систему, которая порождает канцелярскую волокиту, сводящую все усилия построить социализм к тому, что, вопреки

„желаниям“ большевиков, индустриальные достижения страны дают государству дефицит и, следовательно, ухудшает все больше и больше экономическое положение населения. Этого не было бы, по мнению лектора, если бы построили государство по образу и подобию Абрамовича.

Абрамович приподнес слушателям план своего меньшевистского государства. Историческое предначертание государства, с точки зрения Абрамовича, заключается в том, чтобы при социализме существовали свободные народные органы распределения жизненых благ, а государство должно ограничиться ролью контролера. Слушателям стало ясно, что Абрамович, критикуя большевистское государство, дул в пустую, потому что на место большевистского государства, тоже исполняющего роль „контролера“ над распределительными органами, он готовится поставить свое государство, своего „контролера“.

Недоволен Абрамович произведенной большевиками коллективизацией деревни, но оказывается, что его недовольство вытекает не из того, что в колхозах крестьяне работают на положении батраков, а из уничтожения частной собственности на землю. Он искренне огорчен тем, что в деревне уничтожен частный капитализм. Нужно было, по его мнению, чтобы городская промышленность была социализирована, так как городской пролетариат выварился уже в капиталистическом фабричном котле, а что касается деревни, то она в этом отношении далеко отстала от города и нуждалась в капиталистической выварке, поэтому, дикие, безудержные капиталистические силы эксплуатации и пожирания человеком человека были более чем необходимы деревне. Словом для Абрамовича, капитализм является очистительной силой, производящей предварительную фильтрацию для вступления рабочих и крестьян в рай социализма, как чистилище для верующих.

Как и для большевиков, так и для Абрамовича ценен не человек сам по себе, а государство; этому фетишу Абрамович поклонялся всю свою жизнь и теперь продолжает обоготворять его. Русский, немецкий и австрийский опыты не пошли в прок. По-истине — горбатого могила исправит.

В заключении он затронул вопрос о возможной войне капиталистических держав с Сов. Союзом. В этом случае, сказал Абрамович, „нам нужно быть оборонцами“, что означает на нашем простом языке защиту большевистского правительства. Это вызвало недовольство со стороны Бралловского, меньшевика-плехановца, который пытался возражать, но так как слово для возражений не давалось, то Браиловский ограничился только несколькими „кусательными словечками“, как сам лектор заметил, когда отвечал на вопросы. Из многочисленных вопросов два были характерны: „Почему вы, уважаемый лектор, выражая недовольство свое тем, что коммунисты в Германии не поставили ни малейшего препятствия против прихода фашистов к власти, обошли молчанием роль ваших единомышленников, социал-демократов Германии, которые, имея в своих руках власть, и, следовательно, обладая вооруженной военной силой и полицией, не сделали ни малейшей попытки, чтобы предотвратить захват власти Гитлером?“ „Критикуя слегка большевистское государство, вы рекомендуете нам установить государство вашего толка. Не явится ли это повторением большевистского урока, причинившего трудящимся России неимоверные бедствия?“ Эти два вопроса лектор обошел молчанием, не ответил на них.

И. Д.

ФИЛАДЕЛЬФИЯ, Па.

„Сознательные“ большевики.

Сравнивая местных русских большевиков 1918 года с теперешними большевиками, приходишь к очень печальным выводам. Во время революционного под'ема большевики разбирались в принципиальных и программных вопросах, они издавали тогда книги и брошюры, больше читали, читали даже литературу других политических течений; большевистские лекторы и агитаторы толково и деловито разбирали и раз'ясняли коренные принципиальные вопросы. А как теперь? Издают русские большевики в Америке литературу? Нет. Изучают политические, экономические и социальные проблемы? Нет. Читают что-либо? Ничего, кроме „Нового Мира“, девиз которого: „Лги, черни и крой всех несогласных!“

Теперешние большевики, как попугаи, повторяют некоторые трескучие слова и фразы, не вникая в их смысл, вроде — „контр-революционер“, „анархо-бандит“, „анархо-фашист“, „анархо-белобандит“, „враг рабочих и крестьян“, „предатель“, „вредитель“ и т. д. и т. п. Этими эпитетами большевики награждают своих политических противников, главным образом анархистов. Эту же „науку“ сквернословия преподают своим ученикам современные большевистские лекторы и агитаторы.

Спрашивается, можно ли ждать от этих людей здравой критики или выдержанной идейной дискуссии, когда весь их умственный багаж состоит только из сквернословия? Конечно нет. Не удивительно, поэтому, что в большевистских рядах ныне находится много таких элементов, на которых честный революционер может смотреть только с презрением и отвращением.

После Октябрьской Революции старые выдержанные большевики (Гуревич, Стоклицкий, Вайнштейн и др.) уехали в Россию; здесь остались рядовики, чувствовавшие себя осиротелыми; позднее некоторые из них, с'ездив в Сов. Союз, вернулись разочарованными и отряхнули большевистский прах со своих ног.

Когда же выяснилось, что большевики окончательно задушили революцию и превратили страну Советов не в колыбель свободы, равенства и братства, а в одну сплошную тюрьму, на американской почве стали появляться большевистские агитаторы совершенно нового покроя. Угрозами, запугиванием, ложью и лестью — („Вас не впустят в Россию, если вы не вступите в нашу партию“) — эти агитаторы стали преумножать большевистские ряды „нищими духом“ и слабовольными полуграмотными, и даже неграмотными, минскими, гродненскими, киевскими и волынскими мужичками. Из этого „сырого материала“ большевики начали вырабатывать не сознательных революционеров и классовых бойцов с твердыми революционными и этическими принципами, которые могли бы самостоятельно критически разбираться в жизненных вопросах, а холопов, могущих безропотно ползать на брюхе перед большевистским начальством и беспрекословно выполнять приказания.

Новомирские агитаторы новой формации раз'ехались по всем уголкам русской Америки и начали натравливать и науськивать этих мужичков на всех идейных противников большевизма, как на врагов революции, рабочих и крестьян. Великий идеал анархизма, о котором даже Ленин сказал, что он выше рабочего государства, в изображении этих агитаторов превратился в смесь белогвардейщины и фашизма и эта смесь преподносилась и продолжает преподноситься рядовому большевику, как подлинный

анархизм: „Вот, товарищи, полюбуйтесь каков анархизм!“ И партийная скотинка в один голос ревет, что анархизм — это фашизм и белогвардейщина. Обольшевиченный минский или гродненский Иван сразу превратился, психологически только, конечно, в пана. Он вообразил, и его поддерживают в этом большевистские агитаторы с „Новым Миром“, что он постиг всю премудрость веков, что только вокруг большевистской премудрости вращается вселенная и что к голосу этой премудрости должны прислушиваться все. Об анархизме Иваны, конечно, не читали и не имеют о нем ни малейшего понятия, но чернят его, ругают и кроют на все корки: они не ведают, что творят, их ум отравлен, поэтому я пишу о них не с презрением, а с болью в сердце, с сожалением и с надеждой, что их ум преодолеет отраву и начнет нормально функционировать.

Если вам, читатель, случится прочитать в „Новом Мире“ резолюции этих Иванов, — (они так похожи одна на другую!), — в которых они требуют расстрелов всех врагов Кирова и большевиков-сталинцев, так не серчайте на них, ибо они не обдумывали этих резолюций и мало ответственны за них: за эти погромные и кровожадные резолюции несет ответственность большевистская „головка“, которая „думает“ за Иванов. Если вы увидите под этими резолюциями подписи минских и пр. Иванов, так знайте, что „головка“ поставила их имена для того, чтобы польстить Иванам, ибо Иваны, увидя свои имена в газете, подумают, что они действительно настоящие паны.

„Связующей нитью“ между Иванами и головкой являются более ловкие, хитрые и „насабаченные“ типы. В большинстве случаев это — элемент ловящий рыбку в мутной водице: он и перед головкой выслужиться умеет и на Иванах руки нагреть может. „Связующая нить“ — большевистские середняки и Иваны — рядовики должны беспрекословно подчиняться головке, иначе им будет плохо. Подчинение и послушание — единственный пункт, который должен свято выполняться. Для большевиков все остальное неважно, для них не имеет значения, если вновь вступающий имеет грязное прошлое, им важно, чтобы новый член боготворил большевистских вождей России и Америки, чтобы он поднимал руку, где нужно, чтобы он умел горланить — „долой!“ и „да здравствует!“ Вот и все.

У нас, в Филадельфии, среди большевиков имеется активист из середняков — Волков. Он работает не только в разных большевистских комитетах и драматических кружках, но и пописывает, т. е. клевещет, в „Новом Мире“ и в „Русском Голосе“ „о работе и борьбе“ большевиков, об „анархо-собственниках“ в Филадельфии и т. д. Этого гражданина в Филадельфии все знают как антисемита, знает его с этой стороны и „Новый Мир“ и, тем не менее, Волков — новомирский рабкор, Волков — „сознательный большевик“, Волков — активист. Года 4-ре тому назад этот „сознательный большевик“ работал на 5-ой улице при церкви, продавал свечки и раздувал кадило для попа. А когда в Америку приехал Мартенс в качестве большевистского представителя, то Волков состряпал „тайные документы“ против Мартенса и отпечатал их на свои средства. Он обвинял Мартенса в своих „тайных документах“ в том, что последний получал большие деньги от американских капиталистов и являлся чем то вроде провокатора. Конечно это был плод больной фантазии. Никто, даже ярые антибольшевики, не придали этим „разоблачениям“ никакого значения, узнав источник таковых.

На лекциях и митингах Волков (и бывший коммунист Харитонюк) ругали евреев нецензурными словами и часто распространяли погромную литературу. Это может подтвердить Файнштейн, работающий сейчас в нью-йоркском Амторге, в свое время, активный участник социалистического и коммунистического движения в Филадельфии.

Вот кто разоблачает „анархо-собственников“, а „Новый Мир“ и филадельфийские большевики восхищаются этими „разоблачениями“ и ржут от удовольствия по лошадиному.

Революционный большевизм в России выдохся, там уж больше не раздувают „пламя мировой революции“, а подымают бакалы с шампанским и пьют „за здоровье Его Величества Короля Англии“. Такое разложение большевизма в России заразило компартии всех стран, в том числе и американскую с ее русской секцией, поэтому нет ничего удивительного в том, что большевизм представляется Волковыми.

В заключение дружеский совет филадельфийским большевикам и „Новому Миру“: перед тем как „разоблачать“ филадельфийских „анархо-собственников“, перед тем как называть Г. Максимова (чей революционный престиж ничем не запятнан) фашистом, посмотрите в зеркало и вы увидите настоящих собственников и фашистов, которых вам следует разоблачать. Уверяю вас, это будет самое полезное занятие.

Г. Н.

ЧИКАГО, Илл.

Раз'яснение

В № 120 „Рассвета“, от 21-го мая 1935 г., было помещено „раз'яснение“ Ивана Черного из Детройта, что он, Иван Черный, не писал ни отзыва о книге „Не убий“, ни корреспонденции в защиту „синдикалиста-большевика“ Максимова.

Иван Черный считает, что последняя корреспонденция компромитирует его и поэтому он вынужден был выступить с „раз'яснением“, что он „синдикалиста-большевика“ Максимова не защищал и не думает защищать, что анархо-синдикалист Г. Максимов в его глазах „морально ничем не отличается от чекиста Девяткина“. Тем, кто не верит этому, Черный рекомендует „прочитать его (Максимова) журнальчик за 1932-33-34 гг.“. Максимов для Ивана Черного „не безвластник, а анархо-синдикалист-большевик“ и все в этом же роде. Этим своим „раз'яснением“ Иван Черный обнаруживает свое полное незнание анархизма, анархо-синдикализма и большевизма и свой низкий моральный уровень. Все его „раз'яснение“ основано на сознательной лжи и клевете.

Максимов никакого „своего журнальчика“ никогда не имел и не имеет, он является лишь редактором „Дела Труда“, органа Федерации Русских А.-К. Групп С. Ш. и Канады, членом каковой он состоит, членом же коммунистической партии он никогда не был. Больше того, Максимов сидел в большевистских тюрьмах и был выслан большевиками из России вместе с другими анархистами. Если бы не вмешались представители анархического и анархо-синдикалистского движения Западной Европы, то Максимов и поныне, вместе с остальными высланными, гнил бы в большевистских тюрьмах. Иван Черный прекрасно это знает.

Г. Максимов член Международного Товарищества Рабочих, которое ведет борьбу против всякой власти за свободный коммунизм, а это и подавно не в пользу больше-

виков. Для того, чтобы приписать анархо-синдикализм к большевизму, нужно иметь какие-либо основания и факты, факты же говорят против Ивана Черного: Национальная Конфедерация Труда Испании, например, не только не работает с большевиками, но, наоборот, вместе с Иберийским Союзом Анархистов ведет против них и фашизма усиленную борьбу. Это исторический факт и Иваны Черные это знают сами не хуже нас.

В России большевики разгромили синдикалистов также как и анархистов, а до разгрома русские синдикалисты издавали исключительно анархическую литературу и ни одной большевистской книжки. Это тоже факт, факт прекрасно известный всем рассветовским Черным, в том числе и Детроитским Иванам.

Быть анархо-коммунистом совсем не значит, что нужно заниматься кляузными выпадами против тех анархистов, с которыми мы в чем либо не согласны, и затаптывать в грязь всю ту огромную пользу, которую они приносят анархическому движению, а Г. Максимов для осуществления анархического коммунизма делает несравненно больше не только Ивана Черного, но и многих подобных ему.

Зато против своих коллег, которых Черные приглашают для публичных докладов, и которые публично заявляют слушателям, что только сумасшедшие могут верить в осуществление анархизма, Черные не осмеливаются выступить и послать их туда, где им действительно надлежит быть, наоборот, они защищают их и стараются грязнить тех, которые честно ведут анархическую работу.

Такими делами способны заниматься только Ноздревы.

В. Новик.

ОТЧЕТЫ

Юбилей „Дело Труда"

В сентябре-октябре выйдет специальный номер журнала, посвященный *десятилетию* „Дела Труда". В связи с этим группы нашей федерации решили провести на местах сборы в фонд юбилейного издания.

Первым откликнулся Акрон, где т. Старцева собрала 12.06

Жертвовали следующие товарищи: Т. Старцева — 1.20, Н. Смолов — 2.00, В. Рогаткин — 0.36, М. Трутько — 1.00, С. Гуцев — 0.25, П. Краско — 0.25, Шиманский — 0.10, В. Монид — 0.25, М. Моски — 0.25, И. Бурдыко — 1.00, М. Масловский — 0.10, М. Буков — 1.00, А. Кулиш — 0.50, К. Ашейчик — 0.25, А. Пунько — 0.50, В. Ковалевич — 0.25, Гатальский — 0.05, Т. Драженюк — 0.25, Д. Трофимук — 0.25, Г. Мамай — 0.25, Ф. Дубатовка — 2.00. Всего — 12.06.

Из Нью Иорка на юбилейный номер пока поступило 3.00. Всего на юбилейный номер — 15.06.

Приглашаем всех товарищей принять активное участие в юбилейном издании не только рублем, но и пером.

ОТЧЕТ

Редакционной Коллегии по изданию журнала „Дело Труда" № 86.

ПРИХОД:

ЗА ПРОДАННЫЕ ЖУРНАЛЫ поступило: от группы Акрона—4.00, группы Шенандоу—3.00, группы Детроита —7.50, от тов. Талана, Виндзор, Канада, (через тов. Гаврилюка)—2.00, П. Ременчик, Чикаго (подписка)—1.00, Волков, Чикаго—2.25, группы „Дело Труда", Мейвуд, Калиф.—5.00, Союз Рус. Труж. Монтреаль, Канада—3.00, Д. А., Пальм Бич, Калиф—(подписка)—2.00, группы Нью Иорка—3.00, М. Басалов, Брукфильд (подписка)—1.00, А. Дубинка, Чикаго (подписка)—1.00, Володькин, Чикаго—1.10. группы Ст. Луиса—1.70, группы Филадельфии—7.00. ИТОГО: 44.55.

В ФОНД „ДЕЛО ТРУДА" поступило: от группы Акрона —6.00, группы Шенандоу—8.00, группы Детроита—5.50, Р. Кунавич, Канада—2.00, группы Нью Иорка—4.00, Прог. Клуб, Чикаго—2.50, группы Нью-Иорка (розыгрыш от мандолины тов. Д.)—12.00, группы Ст.-Луиса—1.40, группы Филадельфии—13.00. ИТОГО: 54.40.

ЗА ЛИТЕРАТУРУ поступило: от тов. Талана, Канада (за брош. „Мировая Бойня")—0.75, группы Шенандоу (за брош. „Беседы с Бакуниным")—1.00. Итого: 1.75.

ЗАКЛЮЧЕННЫМ АНАРХИСТАМ В СССР поступило от группы Акрона—2.00. Итого: 2.00.

ЗА РОЗЫГРЫШНЫЕ БИЛЕТЫ поступило: от группы Детроита—2.00. Итого: 2.00.

В ФОНД НА ИЗДАНИЕ ЮБИЛЕЙНОГО № „ДЕЛО ТРУДА" поступило: от группы Нью Иорка—3.00, группы Акрона (по подписному листу)—12.06. Итого: 15.06.

ОБЩИЙ ПРИХОД: 119.76.

РАСХОД:

Типография—88.00, экспедиция—10.00, перевод статей —4.00, в комитет заключенных—2.00, в комитет по изданию мелкой литературы—1.75, в комитет по изданию юбилейного номера „Дело Труда"—15.06, расход фед. сек. —2.40.

Всего	123.21
Дефицит от прошлого номера	39.98
Итого расхода	163.19
ПРИХОД	119.76
РАСХОД	163.19
ДЕФИЦИТ	43.43

Товарищи, обратите внимание на рост дефицита и примите меры к прекращению этого роста.

В следующем номере „Д. Т." будут напечатаны статьи т.т. Х. Корнелиссена, М. Пьеро, М. Мрачного и Рубина.

СОН РАЙЗ

Кооперативная колония.

Колония предлагает всем желающим вступить в ее состав или помочь ей в летних работах обращаться за справками по адресу „ДЕЛА ТРУДА".

Notice of Change of Name

Believing the new name will have wider appeal among the people with whom we work the Bronx Vanguard Group wish to be know from now on as

LIBERTARIAN WORKERS' GROUP

499 East 169th St. Bronx New York